

Джон Голсуорси

СТОИК

Перевод Г. Злобина и А. Ильф

ГЛАВА I

1

"Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem" {*}.

Гораций

{* "Даже в тяжелых обстоятельствах сохраняй здравый рассудок" (лат.).}

Январским днем 1905 года в Ливерпуле комната правления Британской судовладельческой компании словно отдыхала после дневных трудов. На длинном столе в беспорядке стояли чернильницы, лежали перья, промокательная бумага, документы, оставленные шестью джентльменами, - покинутое поле сражения умов. А в председательском кресле во главе стола, закрыв глаза, неподвижный и внушительный, как идол, сидел старый Сильванес Хейторп. Одна пухлая слабая рука с дрожащими пальцами покоилась на подлокотнике кресла, седые волосы на

большой голове серебрились в свете лампы под зеленым абажуром. Хейторп не спал: румяные щеки его то и дело надувались, и с толстых губ, прикрытых седыми усами, над кустиком седых волосков на раздвоенном подбородке, срывался не то вздох, не то ворчание. Квадратное, грузное туловище в коротком сюртуке, обшитом черной тесьмой, утопало в кресле, и оттого казалось, что у него нет шеи.

Войдя в затихшую комнату, молодой Гилберт Фарни, секретарь судовладельческой компании, быстро подошел к столу, собрал кое-какие бумаги и остановился, глядя на председателя. Фарни было лет тридцать пять, не больше, и волосы, борода, глаза, даже щеки были у него светлых, жизнерадостных тонов, но у носа и рта пролегли иронические складки. Ибо, по глубокому убеждению секретаря, он был компанией, а правление существовало только затем, чтобы умалять его роль. Пять дней в неделю по семь часов в день он думал, писал, плел нити дела, а эти приходили сюда раз в неделю на два-три часа и воображали, будто могут научить кого-нибудь чему-нибудь. Секретарь пристально смотрел на дремлющего в кресле седого розовощекого старика, но в усмешке его было меньше презрения, чем можно было ожидать. Что ни говори, а председатель - удивительный старикан! Энергичный и разумный человек не может не уважать его. Восемьдесят, подумать только! Почти разбитый параличом, по уши в долгах, он с молодости - по крайней мере так утверждали! - умел жить и вести дела, пока история с шахтой в Эквадоре не подкосила его, - Фарни тогда еще здесь не служил, но, разумеется, слышал о том случае. Старик приобрел шахту на риск (*de l'audace, toujours de l'audace!* {Дерзать, всегда дерзать (франц.)}, любил он говорить), половину суммы выложил наличными, на другую половину выдал векселя, но предприятие не

окупилось, и на руках у него осталось на 20 тысяч фунтов стерлингов обесцененных акций. Но он стойко перенес неудачу и не объявил себя банкротом. Неукротимый старикан и не хнычет, как остальные! Хотя молодой Фарни был секретарем, он не потерял еще способность привязываться к людям: в глазах у него читалось участие. Сегодня заседание правления было долгим и бурным: окончательно улаживали ту покупку у Пиллина. Удивительно, как председатель уломал их! И секретарь удовлетворенно подумал: "А ведь он не сумел бы этого сделать, если бы я не понял, что это действительно выгодная сделка!" Расширять дела компании - значит расширять собственное влияние. И все-таки идея купить четыре грузовых судна как раз в тот момент, когда сокращаются перевозки, может кое-кого испугать, и на общем собрании следует, разумеется, ожидать возражений. Ничего, обойдется! Они с председателем как-нибудь протолкнут это дело, непременно протолкнут.

Тут секретарь вдруг заметил, что старик смотрит на него.

Только по выражению глаз, этих густо-синих родничков, словно сквозь круглые, весело поблескивающие оконца, можно было заметить, что в немощном теле председателя еще бурлили жизненные силы.

Откуда-то из глубины, через пласты плоти, донесся вздох, и старик спросил едва слышно:

- Они уже здесь, мистер Фарни?

- Да, сэръ. Я просил их подождать в комнате, где оформляются сделки.

Сказал, что вы сейчас выйдете к ним. Но я не намеревался будить вас.

- А я не спал. Помогите мне встать.

Дрожащими руками ухватившись за край стола, старик подтянулся и с помощью секретаря, который поддерживал его сзади, поднялся с кресла. Ростом

он был в пять футов десять дюймов, а весил добрых девяносто килограммов - одна большая круглая голова его была тяжелее, чем иной младенец, но он не выглядел тучным, был лишь очень плотно сбит. Закрыв глаза, он, казалось, пытался выдержать собственную тяжесть, а затем медленно, переваливаясь по-утиному, направился к двери. Секретарь смотрел на него и думал: "Ну и старик! Просто чудо, как он еще передвигается без посторонней помощи. И уйти в отставку не может: только на свое жалованье, говорят, живет!"

Председатель раскрыл дверь, обитую зеленым сукном, черепашей походочкой пересек канцелярию - молоденькие клерки, оторвавшись от бумаг, перемигивались за его спиной - и вошел в комнату, где сидели восемь джентльменов. Семеро из них поднялись с места, один остался сидеть. Вместо приветствия старый Хейторп приподнял руку до уровня груди и, подойдя к креслу, тяжело опустился в него.

- Я вас слушаю, джентльмены.

Один из них встал снова.

- Мистер Хейторп, мы поручили мистеру Браунби изложить наше мнение.

Мистер Браунби, прошу вас! - И сел на место.

Поднялся мистер Браунби, полный мужчина лет семидесяти, с небольшими седыми бакенбардами и спокойным, решительным лицом, какие можно встретить только в Англии, - в них отражается передаваемый из поколения в поколение, от отца к сыну дух деловитости. Когда смотришь на такие лица, кажется невероятным, что существуют сильные страсти и свободный полет мысли. Лица эти вызывают доверие и вместе с тем будят желание встать и выйти из комнаты.

Мистер Браунби поднялся и начал учтивым тоном:

- Мистер Хейторп, мы, собравшиеся здесь, представляем около 14 тысяч

фунтов стерлингов. Как вы, вероятно, припоминаете, когда мы имели удовольствие видеть вас в июле прошлого года, вы предсказывали более приемлемое состояние наших дел к рождеству. Теперь у нас январь, время идет, и смею вас заверить, никто из нас не становится моложе.

Возникшее где-то в глубинах тела старого Хейторпа ворчание докатилось до поверхности и облеклось в слова:

- Не знаю, как вы, а я чувствую себя юношей.

Восемь джентльменов не сводили с председателя глаз. Неужели он снова хочет отделаться от них шуткой? Мистер Браунби невозмутимо продолжал:

- Мы, безусловно, рады слышать это. Однако вернемся к сути дела. Мы полагаем, мистер Хейторп, что наилучшее для вас решение - и я убежден, что вы не сочтете его неразумным, - объявить себя банкротом. Мы ждали довольно долго, и теперь хотим точно знать, на что можем рассчитывать. Ибо, говоря по совести, мы не видим никакой возможности улучшить положение. Скорее, даже опасаемся обратного.

- Думаете, что я скоро отправлюсь к праотцам?

Прямота, с какой он высказал затаенные их мысли, вызвала у мистера Браунби и его коллег нечто вроде химической реакции. Они закашляли, зашаркали ногами, опустили глаза, и лишь один из них, тот, который не встал при появлении председателя, стряпчий по имени Вентнор, отрезал:

- Ну что ж, считайте, что так, если угодно.

В маленьких, глубоко посаженных глазках старого Хейторпа засветился огонек.

- Мой дед прожил до ста, отец - до девяноста шести, а ведь оба были порядочные распутники. Мне же пока только восемьдесят, джентльмены, я

человек безупречного поведения, если сравнивать меня с ними.

- Мы тоже надеемся, что вы еще долго проживете, - отозвался мистер Браунби.

- Во всяком случае, дольше здесь, чем там.

Все молчали, пока старый Хейторп не заговорил снова:

- Вам отчисляют тысячу фунтов ежегодно из моего жалованья. Глупо резать курицу, которая несет золотые яйца. Я согласен выплачивать тысячу двести. Если же вы принудите меня к отставке и, значит, к банкротству, то не получите ни гроша. Вы это знаете.

Мистер Браунби откашлялся:

- Мы полагаем, что вы должны увеличить эту сумму, по крайней мере, до тысячи пятисот. Тогда мы могли бы, вероятно, подумать...

Хейторп покачал головой.

- Вряд ли можно согласиться с вашим утверждением, будто мы ничего не получим в случае банкротства. Мы предполагаем, что вы сильно преуменьшаете возможности. Тысяча пятьсот в год - это самое меньшее, на что мы можем пойти.

- Никогда не соглашусь, черт вас побери!

Снова пауза. Затем Вентнор, стряпчий, буркнул сердито:

- В таком случае мы знаем, что нам делать.

Мистер Браунби с нервной поспешностью перебил его:

- Значит, тысяча двести фунтов в год - это ваше... ваше последнее слово?

Старый Хейторп кивнул.

- Зайдите через месяц. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Он закрыл глаза.

Шесть джентльменов окружили мистера Браунби, переговариваясь тихими голосами. Мистер Вентнор поглаживал ногу и сердито косился на старика, который не открывал глаз. Наконец мистер Браунби подошел к мистеру Вентнору, посоветовался с ним, потом, прочистив горло, объявил:

- Сэр, мы обсудили ваше предложение и решили принять его в качестве временной меры. Мы явимся через месяц, как вы желаете. Надеемся, что к тому времени вы придете к более основательному решению, дабы избежать того, о чем мы все будем сожалеть, но что может оказаться печальной необходимостью.

Старый Хейторп кивнул. Восемь джентльменов взяли шляпы и один за другим вышли из комнаты; мистер Браунби галантно замыкал шествие.

Старик, задумавшись, сидел в кресле: он не мог встать без посторонней помощи. Итак, он обвел их вокруг пальца и получил месяц сроку, а через месяц снова проведет их. К тому времени будет улажено и дело Пиллина и все то, что с ним связано. Трусливый тип этот Джо Пиллин! Старый Хейторп захихикал. Прошел ровно месяц с того вечера, как он приходил сюда. Слуга объявил: "Мистер Пиллин, сэр!" - и он проскользнул в дверь, точно тень.

Аккуратный, худой, как щепка, и желтый, как пергамент, руки - словно птичьи когти, шея, закутанная в кашне, дрожащий голос:

- Здравствуй, Сильванес. Боюсь, что ты...

- Чувствую себя превосходно. Садись. Выпей портвейна.

- Что ты! Я не пью портвейн. Это яд для меня.

- Напрасно, он был бы тебе полезен.

- Знаю, ты это всегда говоришь. Но у тебя железный организм. А если бы я пил портвейн, курил сигары и сидел до часу ночи, то завтра был бы уже в

могиле. Я уже не тот, каким был. Послушай, я пришел чтобы узнать, не можешь ли ты помочь мне. Я становлюсь стар, нервничаю...

- Ты всегда был мокрой курицей, Джо.

- Ну что ж, у меня не твой характер. Так вот, я хочу продать свои суда и уйти на покой. Мне нужно отдохнуть. Фрахт сильно снизился. Я вынужден думать о семье.

- Выкинь штуку: объяви себя банкротом. Это встряхнет тебя как нельзя лучше.

- Я говорю серьезно, Сильванес!

- Ты всегда серьезен, Джо.

Джо покашлял, затем неуверенно произнес:

- Одним словом... не купит ли ваша компания мои суда?

Пауза, огонек в глазах, клуб сигарного дыма.

- Стоит ли их покупать?

Он сказал это в шутку, но тут мелькнула неожиданная мысль: Розамунда и малыши! Вот она, возможность оградить их от нужды, когда он отойдет к праотцам! Но вслух он сказал:

- Очень нам нужны твои дрянные суденышки!

Протестующе взметнулась лапка с коготками.

- Это очень хорошие суда... И дают приличный доход. Если бы не мое подорванное здоровье... Будь я покрепче, и не подумал бы их продавать.

- Сколько ты хочешь за них?

Господи! Задаешь простой вопрос, а он так и подпрыгнул на месте. Нервен, как цесарка!

- Вот цифры за последние четыре года. Ты сам видишь, что я не могу

взять за них меньше семидесяти тысяч.

Джо Пиллин облизывал пересохшие губы и посасывал таблетку, а окутанный сигарным дымом старый Хейторп медленно рассматривал цифры. Затем он сказал:

- Шестьдесят тысяч. И если я протолкну дело, ты сверх того выплачиваешь мне десять процентов. Решай.

- Дорогой Сильванес, но это почти... цинизм.

- Цена хорошая, без меня столько не получишь.

- Но... комиссионное вознаграждение. Если это выплывет наружу?

- Это уже моя забота. Подумай. Фрахт будет еще снижаться. Выпей портвейна.

- Нет, нет, благодарю тебя! Ни в коем случае. Так ты думаешь, что стоимость перевозок снизится?

- Убежден.

- Ну, мне пора идти. Право, не знаю, что делать. Это... это... Я должен подумать.

- Подумай хорошенько.

- Подумаю. До свиданья. Понять не могу, как ты в твои годы сосешь эти отвратительные сигары и тянешь портвейн.

- Встретимся в могиле, Джо, - поговорим. Какая жалкая улыбка у него! Нет чтобы засмеяться как следует! И, оставшись снова один, Хейторп задумался над осенившей его идеей.

Сильванес Хейторп, для того, чтобы находиться в центре судоходства, двадцать лет прожил в Ливерпуле, но он был из восточного графства, из столь древнего рода, что предки его, по фамильным преданиям, сражались еще с норманнами. Каждое поколение этого рода жило почти вдвое дольше, чем менее

цепкие люди. Ведя свое происхождение от древних датчан, мужчины в этой семье обладали, как правило, светло-каштановыми волосами, красными щеками, у них были круглые головы, крепкие зубы и слабые понятия о нравственности. Они делали все от них зависящее, чтобы увеличить население любого графства, где они селились, и их отпрыски обитали повсюду. Родившись в начале двадцатых годов девятнадцатого века, Сильванес Хейторп после нескольких лет учения, то и дело прерываемого разными эскападами в школе и колледже, обосновался, наконец, в простодушном Лондоне конца сороковых годов, где в ту пору задавали тон любители кларета и оперы, люди, получавшие восемь процентов годовых. Когда ему не было и тридцати, его сделали партнером в фирме, где он служил, и он беспечно, на всех парусах плыл по течению: танцовщицы, кларет, шампанское, карты, экипаж с ливрейным лакеем, путешествия. Словом, он обладал восхитительной, поистине викторианской способностью не думать ни о чем, кроме развлечений. Годы текли так приятно и насыщенно, ему стукнуло уже сорок, когда он пережил свое первое и сколько-нибудь серьезное любовное увлечение - он тщательно скрывал эту щекотливую, ставившую его в неловкое положение связь с дочерью его собственного клерка. Через три года она умерла, оставив ему незаконнорожденного сына, и ее смерть причинила ему самое сильное, пожалуй, единственное горе в жизни. Пять лет спустя он женился. Зачем? Одному богу известно, - как он любил говорить. Его жена была холодная, черствая светская дама с большими связями; она подарила ему двух законных детей, мальчика и девочку, и с каждым годом становилась все более черствой и суетной, все менее красивой. После переезда в Ливерпуль, который они предприняли, когда ему было шестьдесят, а жене - сорок два, она чуть не умерла от огорчения, но еще тянула лет двенадцать, находя утешение в бридже

и в своем презрении к Ливерпулю. А потом Хейторп без особых сожалений проводил ее к месту вечного успокоения. Он никогда не любил ее да и не питал никаких нежных чувств к детям от нее: они были, по его мнению, бесцветными и надоедливymi существами, и многое в них его удивляло. Сына, Эрнста, служившего в морском министерстве, он считал трусом и тупицей. Его дочь, Адела, из которой получилась отличная домоправительница, обожала умные разговоры и общество "прирученных" мужчин и не упускала случая поставить на вид отцу, что он неисправимый язычник. Они виделись редко - только когда это было необходимо. Адела была обеспечена: пятнадцать лет назад, задолго до кризиса в делах - не совсем неожиданного - он переписал на ее мать часть имущества. Совсем иначе относился он к своему внебрачному сыну. Мальчика, который носил фамилию матери - Ларн, после ее смерти отправили на воспитание к родственникам в Ирландию. В Дублине, когда настал срок, он получил право адвокатской практики, женился совсем молодым на девушке, в жилах которой текла смесь ирландской и корнуэльской крови, и вскорости, обойдясь старику Хейторпу в кругленькую сумму, умер в нужде, оставив на руках тридцатилетней красавицы Розамунды девочку восьми лет и пятилетнего мальчугана. Через полгода вдова приехала из Дублина - добиться, чтобы старик взял их под свою опеку. Эта удивительно хорошенькая, как распустившаяся роза, женщина с зелено-кариими глазами появилась в одно прекрасное утро в конторе Компании - свекор не сообщал ей своего домашнего адреса, - ведя за руки своих детей. С тех пор Хейторп был вынужден так или иначе содержать их. Он навещал их в небольшом домике на окраине Ливерпуля, где они поселились, но не приглашал к себе, в Сефтон-парк: дом этот фактически принадлежал его дочери, и ни она, ни его друзья не знали о существовании этой второй семьи.

Розамунда Ларн была из тех неунывающих дам, которые перебиваются случайными заработками, пописывая рассказы, страдающие длиннотами и многословием. При самых мрачных обстоятельствах она умела сохранять жизнерадостность, граничащую с неприличием, и это забавляло старого циника Хейторпа. Что до Филлис и Джока, он сильно привязался к своим резвым, как жеребята, внучатам. Возможность одним ловким ходом обеспечить их суммой в шесть тысяч фунтов стерлингов казалась ему просто манной небесной. Обстоятельства складывались так, что если он "отдаст концы", - а это могло, разумеется, случиться в любой момент, - то они не получат ни гроша. А ведь после него останется в худшем случае тысяч пятнадцать. Сейчас он выдавал им триста фунтов в год из своего жалованья, но мертвые директора, увы, не получают жалованья. Шесть тысяч фунтов стерлингов, помещенные так, чтобы мамаша не могла растратить их, при четырех с половиной процентах годовых будут приносить им двести пятьдесят фунтов в год - это лучше, чем ничего. Чем дольше он думал, тем больше нравилось ему это дельце. Только бы тот слабонервный тип Джо Пиллин не струсил в последний миг, когда он уже так настроился.

Через четыре дня "слабонервный тип" снова появился вечером в доме в Сефтон-парке.

- Сильванес, я подумал. Мне не подходят твои условия.
- Еще бы! И все-таки ты согласишься.
- Почему я должен жертвовать собой? Пятьдесят четыре тысячи за четыре судна - это, знаешь, серьезно уменьшит мои доходы.
- Зато гарантирует их, дорогой.
- Так-то оно так, но, понимаешь, я не могу участвовать в незаконной

сделке. Если это выплывет наружу, что будет с моим именем и вообще...

- Это не выплывет...

- Ты вот уверяешь, а...

- Единственное, что от тебя требуется, - сделать дарственную запись на третьих лиц, которых я тебе назову. Сам я не возьму ни пенса. Пусть твой стряпчий подготовит бумаги, сделай его доверенным лицом. А ты подпишешь документы, когда сделка будет заключена. Я доверяю тебе, Джо. Какие из твоих акций дают четыре с половиной процента?

- Мидлэнд...

- Отлично. Не продавай их.

- Хорошо, но кто эти люди?

- Женщина и ее дети. Я хочу оказать им услугу. ("Как вытянулось лицо у этого типа!") Боишься связываться с женщиной, Джо?

- Тебе смешно... А я в самом деле боюсь связываться с чужими женщинами. Нет, не нравится мне все это дело, решительно не нравится. Я человек иных правил и прожил жизнь не так, как ты.

- Тебе повезло, иначе ты давно бы сошел в могилу. Скажи своему стряпчему, что это твоя старая пассия, хитрец!

- Ну вот! А что, если меня начнут шантажировать?

- Пусть он держит язык за зубами и переводит деньги на них каждые три месяца. Они решат, что благодетель - я, а ведь так оно и есть на самом деле.

- Нет, Сильванес, не нравится мне это, не нравится.

- Тогда забудь о нашем разговоре, и дело с концом. Возьми сигару!

- Ты же знаешь, я не курю... А нет какого-нибудь иного способа?

- Есть. Продай в Лондоне акции, вырученную сумму помести в банк, а

после принеси мне банкнотами шесть тысяч. Они будут у меня до общего собрания. Если дело не выгорит, я верну их тебе.

- Ну нет, это мне еще меньше по душе.

- Не доверяешь?

- Ну что ты, Сильванес! Просто все это - обход закона.

- Нет такого закона, который запрещал бы человеку распоряжаться собственными деньгами. Мои дела тебя не касаются. И запомни: я действую совершенно бескорыстно, мне не перепадет ни полпенни. Ты просто помогаешь вдове и сиротам - как раз в твоём духе!

- Удивительный ты человек, Сильванес. Ты, кажется, вообще не способен принимать что-либо всерьёз.

- Принимать все всерьёз - рано в могилу лечь!

Оставшись один после второго разговора, Хейторп подумал: "Он клюнет на эту удочку".

Джо и в самом деле клюнул. Дарственная запись была оформлена и ожидала подписи. Сегодня правление решило произвести покупку, оставалось добиться одобрения общего собрания акционеров. Только бы ему разделаться с этим и обеспечить внуков, и плевать он тогда хотел на лицемерных сутяг, мистера Браунби и компанию! "Мы надеемся, что вы еще долго проживете!" Как будто их интересует что-либо, кроме его денег, точнее - их денег. Он встrepенулcя, поняв, как долго просидел в задумчивости, ухватился за подлокотники кресла и, пытаясь встать, нагнулся вперед; лицо и шея у него побагровели. А доктор запретил ему делать это во избежание удара - как и сотни других вещей! Чепуха! Где Фарни или кто-нибудь из тех молодчиков, почему никто не поможет ему? Позвать - значит уронить свое достоинство. Но неужели сидеть тут всю

ночь? Трижды он пытался встать и после каждой попытки подолгу сидел неподвижно, красный и выбившийся из сил, В четвертый раз ему удалось подняться, и он медленно направился к канцелярии. Проходя комнату, он остановился и сказал едва слышно:

- Молодые люди, вы забыли обо мне.

- Вы просили, чтобы вас не беспокоили, сэр, - так нам сказал мистер Фарни.

- Очень любезно с его стороны. Подайте мне пальто и шляпу.

- Слушаюсь, сэр,

- Благодарю вас. Который час?

- Ровно шесть, сэр.

- Попросите мистера Фарни прийти ко мне завтра в полдень насчет моей речи на общем собрании.

- Непременно, сэр.

- Доброй ночи.

- Доброй ночи, сэр.

Своей черепашьей походочкой старик прошел между стульями к двери, неслышно открыл ее и исчез. Клерк, закрывший за ним дверь, произнес:

- Совсем немощным стал наш председатель! Еле ноги волочит.

Другой отозвался:

- Чепуха! Этот старик из крепких. Он и умирая будет драться.

Выйдя на улицу, Сильванес Хейторп направился к перекрестку, где всегда садился на трамвай, идущий в Сефтон-парк. На переполненной улице царило деловое оживление, характерное для города, где встречаются Лондон, Нью-Йорк и Дублин, где люди ловят и упускают свои возможности. Старому Хейторпу нужно было перейти на противоположную сторону улицы, и он бесстрашно тронулся вперед, не обращая внимания на уличное движение. Он тащился медленно, как улитка, и всем своим невозмутимо-величественным видом будто говорил: "Попробуйте сшибить, я все равно не стану торопиться, будьте вы неладны".

Раз десять на дню какой-нибудь истинный англичанин, соединяющий в себе флегматичность со склонностью брать людей под свою защиту, спасал ему жизнь. Трамвайные кондукторы на этой линии давно привыкли к нему и всякий раз, когда он дрожащими руками цеплялся за поручни и ремни, подхватывали его под мышки и, точно мешок с углем, втаскивали в вагон.

- Все в порядке, сэр?

- Да, благодарю вас.

Он проходил в вагон, и там ему неизменно уступали место из любезности или из опасения, что он свалится прямо на колени к кому-нибудь. Он сидел неподвижно, плотно закрыв глаза. Видя его румяное лицо, кустик седых волос на квадратном, гладко выбритом раздвоенном подбородке, огромный котелок с высокой тульей, который казался еще слишком тесным для такой головы с шапкой густых волос, его можно было принять за идола, выкопанного откуда-то и выставленного напоказ в слишком узком одеянии.

Один из тех особенных голосов, какими говорят молодые люди из закрытых школ или служащие на бирже, где непрерывно что-то покупается и продается,

сказал у него над ухом:

- Добрый вечер, мистер Хейторп!

Старый Хейторп открыл глаза. А, это тот прилизанный молокосос, чадо Джо Пиллина! Только поглядите на этого круглоглазого и круглолицего щенка: маленькие усики, меховое пальто, гетры, бриллиантовая булавка в галстук.

- Как отец? - спросил он.

- Спасибо, неважно себя чувствует. Все беспокоится насчет судов. А у вас, наверно, нет еще для него новостей?

Старый Хейторп кивнул. Молодой человек всегда вызывал в нем чувство отвращения, как воплощение самодовольной посредственности нового поколения. Он был из тех скроенных на один манер чистюль, которые трижды примеряются, прежде чем взяться за что-нибудь, ничтожеств, не обладающих ни умом, ни энергией, ни даже пороками, и Хейторпу не хотелось удовлетворять любопытство этого молокососа.

- Зайдем ко мне, - сказал он. - Я напишу ему записку.

- Спасибо. Очень хотелось бы подбодрить старика.

Старика! Нахальный ублюдок! Закрыв глаза, старый Хейторп сидел неподвижно, пока трамвай, петляя, тащился в гору. Он размышлял.

Чего только он не переделал, когда ему было столько же, как этому щенку, - лет двадцать восемь, наверное, или около того! Взбирался на Везувий, правил четверкой лошадей, проигрался до нитки на скачках в Дерби и вернул все до последнего пенни в Оуксе; знал всех знаменитых тогда танцовщиц и оперных певиц; в Дьеппе дрался на дуэли с одним янки, который на редкость противным гнусавым голосом заявил, что старушка Англия больше ни на что не способна, и ранил его в руку; был уже членом правления судовладельческой

компании; мог перепить полдюжины завязанных выпивох в Лондоне; чуть не свернул себе шею на скачках с препятствиями; прострелил грабителю ногу; едва не утонул, прыгнув в воду на пари; стрелял бекасов в Челси; вызывался в суд за свои грехи, мог смутить самого Чифта; путешествовал с испанкой. Этот же щенок успел, быть может, только в таких путешествиях и тем не менее воображает себя светским львом...

Кондуктор дотронулся до его рукава:

- Вам выходить, сэр.

- Благодарю.

Он сошел с подножки и двинулся в синеющих сумерках к воротам дома своей дочери. Боб Пиллин шагал рядом и думал: "Бедный старикан, еле ноги волочит".

А вслух сказал:

- Мне кажется, вам лучше брать извозчика, сэр. Мой старик сразу свалился бы, прогуляйся он в такой вечер!

Сквозь туман прозвучал ответ:

- Твой отец всегда был дохлятиной.

Боб Пиллин рассмеялся тем сальным смешком, который нередко слышишь от определенного типа людей, и старый Хейторп подумал: "Смеется над отцом, попугай!"

Они подошли к подъезду. Стройная, темноволосая женщина с тонким, правильным лицом расставляла в холле цветы. Она обернулась и сказала:

- Вам, право же, не следовало бы задерживаться так поздно, папа. Это вредно в такое время года. Кто это? А-а, мистер Пиллин! Здравствуйте. Вы уже пили чай? Может быть, пройдете в гостиную или хотите поговорить с папой?

- Благодарю! Ваш отец...

Хейторп перешел холл, не обращая ни малейшего внимания на дочь. Боб Пиллин подумал: "Клянусь, старик и в самом деле чудит"; потом сказал на ходу: "Премного благодарен! Мистер Хейторп хочет кое-что передать моему отцу", - и последовал за стариком. Мисс Хейторп была совсем не в его вкусе, он даже побаивался этой худощавой женщины, у которой был такой вид, словно она никому никогда не позволит расстегнуть свой корсаж. Говорили, что она очень набожная и все такое.

Оказавшись в своем святилище, старый Хейторп направился к письменному столу, спеша, по-видимому, сесть и отдохнуть.

- Вам помочь, сэр?

Тот покачал головой, и Боб Пиллин, остановившись у камина, стал наблюдать за Хейторпом. Старикан, видно, не любит зависеть от других. И как только он садится в такое кресло! Когда приходишь до такого состояния, лучше уж загнуться сразу и уступить место молодым. И как это в его Компании терпят это такое ископаемое в качестве председателя - чудеса! Тут ископаемое заворчало и проговорило почти неслышным голосом:

- Наверное, ждешь не дождешься возможности прибрать к рукам отцовские дела.

У Боба Пиллина отвисла челюсть. Старик продолжал:

- Куча монет, и никакой ответственности! Посоветуй ему от моего имени пить портвейн. Лет на пять дольше протянет.

Боб Пиллин ответил только смешком на этот неожиданный выпад, так как в кабинет вошел слуга.

- Миссис Ларн, сэр! Вы примете ее?

Молодому человеку показалось, что, услышав это имя, старик попытался

встать. Но он только кивнул и протянул ему записку. Боб Пиллин взял записку - при этом ему почудилось, что старик пробормотал что-то вроде "Ну, теперь держись!" - и пошел к двери. Мимо него, словно согревая воздух вокруг, проскользнула стройная женская фигура в меховом пальто. Лишь в холле он спохватился, что забыл в кабинете шляпу.

У камина на медвежьей шкуре стояла молоденькая хорошенькая девушка и смотрела на него круглыми наивными глазами. "Ну и хорошо! - мелькнуло у него в голове. - Я уж не стану беспокоить их из-за шляпы". - Потом, приблизившись к камину, он сказал:

- Сегодня здорово холодно, правда?

Девушка улыбнулась.

- Да, очень.

Он заметил, что у нее пышные русые волосы, короткий прямой нос, большие серо-синие глаза, веселый, открытый взгляд; на груди был приколот букет фиалок.

- М-м... - начал он. - Я оставил там свою шляпу.

- Забавно!

При звуке ее негромкого чистого смеха что-то шевельнулось вдруг в Бобе Пиллине.

- Вы хорошо знаете этот дом?

Она покачала головой.

- Чудесный дом, правда?

Боб Пиллин, который этого не находил, ответил неопределенно:

- Вполне о'кей.

Девушка откинула голову и снова рассмеялась:

- О'кей? Что это такое?

Боб Пиллин увидел ее белую округлую шею и подумал: "Какая она прелесть!" Потом, набравшись смелости, сказал:

- Моя фамилия Пиллин. А ваша - Ларн, не так ли? Вы родственница мистеру Хейторпу?

- Он наш опекун. Он славный старик, правда?

Боб Пиллин вспомнил, как старик едва слышно пробормотал что-то вроде "Ну, теперь держись!", и уклончиво ответил:

- Ну, вы-то его лучше знаете.

- Разве вы не внук ему и не родственник?

Боб Пиллин не пришел в ужас от этого предположения.

- Да нет, мой отец и он - старые знакомые. Вот и все.

- А ваш папа такой же, как он?

- Н-не совсем...

- Жалко! Если бы они были вроде двойников - вот было бы забавно!

Боб Пиллин подумал: "Ого, у нее острый язычок! Как ее зовут?" Потом спросил:

- Как ваши крестные нарекли вас?..

Девушка снова рассмеялась - казалось, все вызывало у нее смех.

- Филлис!

Может быть, сказать: "Вот имя, которое я люблю"? Нет, лучше не надо! А, может, все-таки стоит? Если упустить момент, то никогда уж не встретить ее!

Он сказал:

- Я живу в доме на краю парка, в красном таком, знаете? А вы где?

- Я далеко, Миллисент Виллас, 23. Я ненавижу наш убогий домишко. Но мы

там очень весело живем.

- Кто это мы?

- Ну, мама, я и Джок. Ужасный мальчишка! Вы даже представить себе не можете. И волосы у него почти рыжие. Когда состарится, он, наверное, будет таким же, как дедушка Хэйторп. Нет, Джок просто невозможен!

Боб Пиллин пробормотал:

- Интересно было бы познакомиться с ним.

- Правда? Я спрошу у мамы, не разрешит ли она. Но вы сами не обрадуетесь. Он вечно вспыхивает, как фейерверк.

Она откинула голову, и у Боба Пиллина снова поплыло все перед глазами.

Взяв себя в руки, он спросил, растягивая слова:

- Разве вы не пойдете повидаться со своим опекуном?

- Нет, у мамы к нему секретный разговор. Мы здесь в первый раз. Чудак он, правда?

- Чу-дак?

- Ну да! Но он очень хорошо ко мне относится. Джок называет его последним стойком.

Из кабинета старого Хейторпа крикнули:

- Филлис, поди сюда!

Этот голос принадлежал, несомненно, женщине с красивым ртом, у которой нижняя губа чуть-чуть прикрывала верхнюю; в нем была и теплота, и живость, ласкающая слух, и что-то неискреннее.

Девушка бросила Пиллину через плечо смеющийся взгляд и скрылась в комнате.

Боб Пиллин прислонился спиной к камину, уставив круглые щенячьи глаза

на то место, где только что стояла девушка. С ним происходило что-то непонятное. Поездки с дамой сердца, возможность которых допускал старый Хейторп, утоляли лишь чувственность этого молодого человека; они прекратились в Брайтоне и Скарборо и были лишены малейшего намека на любовь. Рассчитанная до мелочей карьера и "гигиеничный" образ жизни избавляли от беспокойства и его самого и его отца. А сейчас у него застучало в висках и что-то большее, нежели просто восхищение, стеснило ему горло как раз над высоким стоячим воротничком - то были первые признаки рыцарской влюбленности! Но светский человек нелегко поддается нахлынувшим чувствам, и кто знает, окажись под рукой шляпа, не поспешил ли бы он вон из этого дома, бормоча себе под нос: "Ну нет, дорогой, Миллисент Виллас вряд ли подойдет тебе, если у тебя серьезные намерения". А то кругленькое, смеющееся личико, блестящая прядка на лбу и широко раскрытые серые глаза как-то не вызвали намерений иного рода: невинная юность неотразимо действует на самых трезвых молодых людей. Охваченный каким-то смятением, Пиллин думал: "Удобно ли, осмелюсь ли предложить проводить их до трамвая? А может, лучше сбегать нанять автомобиль и отправить их домой? Нет, они могут уйти тем временем! Надо ждать здесь! Боже, как она смеется! Не личико, а загляденье: цветом точно клубника со сливками, волосы, словно сено, и все такое! Миллисент Виллас..." И он торопливо записал адрес на манжете.

Дверь растворилась, и он услышал тот теплый переливчатый голос: "Пойдем, Филлис!", потом девичий голосок: "Хорошо, иду!" и ее звонкий, веселый смех. Он быстро пошел к входной двери, в первый раз в жизни испытывая подлинный трепет. Он проводит их до трамвая без шляпы - это еще более по-рыцарски! Но тут же он услышал:

- Молодой человек, у меня ваша шляпа!

А затем раздался голос ее матери, живой, притворно возмущенный:

- Филлис, как тебе не стыдно! Вы когда-нибудь видели такую скверную девчонку, мистер...

- Пиллин, мама.

Потом - он сам не знал, как это произошло, - он шагал между ними к трамваю, защищенный от январского холода смехом и ароматом мехов и фиалок. Это было похоже на сказку из "Тысячи и одной ночи" или что-нибудь в этом роде, какое-то опьянение, когда уверяешь, что тебе - по пути, хотя потом всю дорогу назад придется снова трястись на этом дурацком трамвае. Никогда в жизни он не чувствовал такого воодушевления, как сейчас, когда восседал на скамье между ними, забыв и о записке в кармане и о своем желании подбодрить отца. На конечной остановке они вышли. Мурлыкающее приглашение зайти как-нибудь, отчетливое "Джок будет рад познакомиться с вами!", низкий грудной смех. "Ах ты, скверная девчонка!" И вдруг хитрая мысль молнией осенила его, когда он снимал шляпу.

- Большущее спасибо, зайду непременно! - Он снова вскочил на подножку трамвая, деликатно намекая этим, как безмерно он был галантен.

- Вы же сказали, что вам по пути! Ну, зачем вы так?..

Слова ее были точно музыка, а раскрытые от удивления глаза казались самыми прекрасными на земле. Миссис Ларн снова засмеялась низким, теплым, но и каким-то рассеянным смехом, а девушка помахала ему рукой на прощание. Он глубоко вздохнул и пришел в себя только в клубе, за бутылкой шампанского. Пойти домой? Ну, нет! Ему хотелось пить и мечтать. Ничего, "старик" узнает новости завтра.

Эти слова "Сэр, вас хочет видеть миссис Ларн!" могли бы смутить человека с более слабыми нервами. Что привело ее? Она же знает, что ей не следует приходить сюда. Старый Хейторп с циничным любопытством наблюдал, как вошла его сноха. Каким взглядом она окинула этого щенка, когда проходила мимо! Он отдавал должное вдове своего сына и спрятал улыбку между усами. Она взяла его руку, поцеловала, прижала к своей великолепной груди и проговорила:

- Вот видите, наконец-то я здесь! Вы не удивлены?

Старый Хейторп покачал головой.

- Мне, право, очень нужно было повидать вас. Вы не заходили к нам целую вечность. Да еще эта ненастная погода! Как вы себя чувствуете, дорогой опекун?

- Как нельзя лучше. - И, посмотрев ей прямо в серо-зеленые глаза, добавил: - У меня нет для вас ни пенса.

Она и глазом не моргнула, только беспечно рассмеялась.

- Неужели вы думаете, что я пришла за этим? Хотя я в самом деле сильно на мели, дедушка!

- Как всегда.

- Я вам все расскажу, дорогой, мне станет легче. Если бы вы знали, как туго мне сейчас приходится!

Стараясь принять печальный вид, она опустилась в низкое кресло, распространяя сильный аромат фиалок.

- Мы в ужаснейшем положении. В любую минуту имущество наше может пойти с молотка, а мы - оказаться на улице. У меня не хватает духу открыться детям - они так счастливы, бедняжки. Джока придется взять из школы, а Филлис прекратит уроки музыки и танцев. Полнейший кризис. И все из-за синдиката "Мидлэнд". Я рассчитывала получить по крайней мере двести фунтов за новый рассказ, а они его не взяли.

Крошечным платочком она смахнула слезинку с глаза.

- Это очень обидно, дедушка. Я просто мозги иссушила, работая над рассказом.

Старый Хейторп проворчал что-то похожее на "вздор!".

Испутив глубокий вздох, свидетельствующий лишь о большом объеме ее легких, миссис Аарн продолжала:

- Не могли бы вы дать мне хотя бы сто фунтов?

- Ни шиллинга.

Она снова вздохнула, глаза ее скользнули по комнате, и она проговорила тихим голосом:

- Вы же отец моего дорогого Филипа. Я никогда на это не намекала, но вы же отец, поймите. Он был так похож на вас, и Джок тоже.

Ни один мускул не дрогнул на лице старого Хейторпа. Легче было добиться ответа от языческого идола, которому приносят цветы, песни, жертвы: "Мой дорогой Филип!" Провалиться мне на этом месте, если она сама не заездила его! И какого дьявола она ворошит старое?" Взгляд миссис Ларн все еще блуждал по комнате.

- Какой чудесный дом! Все-таки вы должны помочь мне, дедушка.

Представьте, а если ваших внуков выкинут на улицу!

Старик усмехнулся. Он вовсе не собирался отречься от родства - это она так думает, а не он. Но он и не допустит, чтобы на него наседали.

- А это может случиться. Неужели вы останетесь равнодушным? Ну, пожалуйста, спасите меня еще раз. Ведь вы, наверное, можете что-нибудь для них сделать.

Он шумно вздохнул:

- Надо подождать. Сейчас не могу дать ни пенса. Я сам беден, как церковная крыса.

- Не может быть, дедушка!

- Да, да, так оно есть.

Миссис Ларн снова испустила энергичный вздох. Она, разумеется, не верила ему.

- Ну что ж! - проговорила она. - Вас будет мучить совесть, когда мы все вместе придем как-нибудь вечером и станем петь под вашими окнами, вымаливая милостыню. Да, кстати, вы не хотите повидать Филлис? Она в холле. Такая хорошенькая растет. Ну хотя бы пятьдесят фунтов, дедушка, милый!

- У меня ничего нет.

Миссис Ларн в отчаянии воздела руки.

- Вы в этом раскаетесь. Я вишу на волоске.

Она глубоко вздохнула, и от нее снова повеяло фиалками. Потом, поднявшись, она подошла к двери и позвала:

- Филлис!

Когда девушка вошла, у старого Хейторпа впервые за много лет дрогнуло

сердце. Ее появление было точно весенний день в январе - какая противоположность этой надушенной кукле, ее матери! Как приятно ощущать прикосновение ее губ к своему лбу, слышать ее звонкий голос, видеть грациозные движения и знать, что этой девочкой он может гордиться! Она хорошей породы, как и тот бездельник, ее братец Джок (не в пример тем внукам, которые родятся у этой святоши, его законной дочери, если найдется идиот, который женится на ней, или у тупицы Эрнеста).

После их ухода он с особым удовольствием думал о шести тысячах фунтов, которые перепадут им от сделки с Джо Пиллином. На общем собрании ему придется расписать выгоду этой покупки. Следует ожидать серьезных возражений: ведь грузооборот падает. Нерешительный народ пошел, все какие-то вялые, осторожные. А эти типы в правлении - как они пытались отвертеться от ответственности! Пришлось уговаривать их поодиночке. Чертовски трудно протолкнуть это дело! А оно стоящее: если умело взяться, суда будут приносить доход, и немалый.

Старик спал, когда пришел камердинер, чтобы одеть его к обеду. Слуга восхищался им, насколько можно восхищаться человеком, который не способен без посторонней помощи надеть штаны. Он не раз говорил горничной Молли: "Хозяин-то был, видать, большой любитель женского пола, такого нужно было поискать. Он и сейчас заглядывается на тебя, это уж точно!" А горничная, хорошенькая ирландка, отвечала: "Ну и пусть себе на здоровье, если ему это доставляет удовольствие. Лучше пусть так на меня смотрят, чем сверлят глазами, как наша хозяйка".

За обедом старый Хейторп всегда сидел на одном конце большого стола розового дерева, а его дочь - на другом. Это было самое важное событие дня.

Заткнув салфетку за верхний вырез жилета, старик со страстью принимался за еду. Он нисколько не утратил вкуса к пище, и желудок его работал отлично. Он и сейчас мог есть за двоих и пить больше, чем выпивает обычно один человек. Во время обеда он избегал разговора и наслаждался каждым куском и глотком. "Святоша" не могла сказать ничего такого, что заинтересовало бы его, и он тоже - ничего, что было бы интересно ей. Она испытывала ужас перед "застольными радостями", как она выражалась, перед вожделениями здоровой плоти. Он знал, что она незаметно старается ограничить его рацион. Черта с два он допустит это! Какие еще удовольствия остались в его возрасте? Посмотрим, какова она будет, когда ей стукнет восемьдесят. Впрочем, она не доживет: слишком тощая и добродетельная!

Однако сегодня, когда подали куропатку, Адела заговорила:

- Кто это к вам приходил, папа?

Уже разнюхала? Уставив на нее маленькие синие глаза, он пробурчал с набитым ртом:

- Дамы!

- Это я видела. Но кто они?

Он испытывал сильное искушение сказать: "Члены одной из моих внебрачных семей". В действительности то были самые лучшие члены его единственной внебрачной семьи, но желание преувеличить брало верх. Он, однако, сдержался и продолжал есть, и лишь побагровевшие щеки выдавали его скрытое раздражение. Он смотрел в ее серые, ясные и холодные глаза и знал, что она думает: "Он слишком много ест".

- Мне жаль, папа, что вы не считаете нужным посвящать меня в свои дела,

- сказала она. - И вам не следует пить рейнвейн.

Старый Хейторп взял высокий зеленый бокал, осушил его до дна и, сдерживая гнев, продолжал разделываться с куропаткой.

Адела поджала губы, выпила глоток воды и продолжала:

- Я знаю, что их фамилия - Ларн, но это ничего не говорит мне. И, может быть, это к лучшему?

Сдерживая гнев, старик сказал с усмешкой:

- Они - моя сноха и внучка.

- Как, разве Эрнест женат? Нет, ты шутишь!

Старик рассмеялся и покачал головой.

- Уж не хотите ли вы сказать, папа, что вы были женаты до того, как женились на моей маме!

- Нет.

Какую рожу она скорчила!

- Значит, это был не брак... - сказала дочь с презрением. - И они сидят у вас на шее. Не удивительно, что вы вечно без денег. И много у вас этой родни?

Усилием воли старик снова сдержал гнев, но на лбу и шее угрожающе вздулись вены. Если бы он сейчас заговорил, то наверняка бы задохнулся. Он перестал есть, положил руки на стол и попытался встать. Ему не удалось это, и, осев в кресло, он уставился на неподвижную, чопорную фигуру дочери.

- Не делай глупостей, папа, и не устраивай сцен в присутствии Меллера.
Доедай обед.

Он молчал. Он не останется здесь, раз его оскорбляют и пытаются им командовать! Никогда еще не ощущал он так остро свою беспомощность. Это открытие поразило его. Колода, которой приходится терпеть что угодно!

Колода! И, решив подождать, пока вернется слуга, он взял в руку вилку.

Снова раздался ханжеский голос дочери:

- Вы, папа, вероятно, не догадываетесь, какой это удар для меня. Не знаю, что подумает Эрнест...

- Эрнест может проваливать ко всем чертям!

- Только без ругани, папа, прошу вас.

Гнев старого Хейторпа прорвался. Он зарычал. Как он мог все эти годы жить в одном доме с этой женщиной и есть с ней за одним столом!

Вернулся слуга, и старый Хейторп, отложив вилку, приказал:

- Помогите мне встать!

Тот медлил, как громом пораженный, держа поднос со сладким. Встать из-за стола, не закончив обед, - это неслыханно!

- Помогите мне встать!

- Меллер, мистеру Хейторпу нехорошо. Поддержите его с другой стороны.

Старик стряхнул руку дочери.

- Я вполне здоров. Помогите мне встать. Впредь буду обедать у себя в комнате.

Слуга помог ему встать на ноги, и он медленно вышел, но, оказавшись в своем святилище, не сел, подавленный острым сознанием собственной беспомощности. Он стоял, ухватившись за стол, немного покачиваясь, ожидая, пока слуга закончит подавать обед и принесет портвейн.

- Вы хотите сесть, сэр?

Проклятие, это он и сам как-нибудь способен сделать! Надо немедленно подумать, как укрепить свои позиции против этой женщины.

- Пошлите мне Молли!

- Хорошо, сэр.

Слуга поставил бутылку на стол и вышел.

Старый Хейторп наполнил бокал, выпил, снова наполнил. Потом взял из ящика сигару и раскурил ее. Вошла горничная, сероглазая, темноволосая девица, и остановилась перед ним, сложив руки, наклонив голову немного набок и чуть-чуть приоткрыв рот. Старик спросил:

- Вы - человек?

- Полагаю, что так, сэр.

- Так вот, я хочу попросить вас кое о чем именно как человека, а не как служанку, понимаете?

- Нет, сэр, но я буду рада сделать все, что нужно.

- Тогда заглядывайте сюда иногда - посмотреть, не нужно ли мне чего-нибудь. Меллер часто уходит. Не надо ни о чем спрашивать - просто загляните, и все.

- Хорошо, сэр, непременно. Мне будет только приятно.

Он кивнул и, когда девушка вышла, умиротворенно опустился в кресло. Недурна! Приятно видеть хорошенькую мордашку - не то, что бледную строгую физиономию, как у Аделы. В нем опять поднялась волна раздражения. Значит, она делает ставку на его беспомощность, уже сделала эту ставку? Но он покажет ей, что у старого коня есть еще силы! И эта жертва - нетронутое суфле, и грибы, и мятная конфета, которой он обычно заключал обед, - словно бы освятила его решимость. Они все думают, что он старая развалина без гроша в кармане! Вот сегодня днем он видел, как двое из правления переглядывались и пожимали плечами, как бы говоря: "Только посмотрите на него!" Молодой Фарни жалеет его. Жалеет, ишь ты! А неотесанный грубиян, стряпчий, - как он

кривил рот на собрании кредиторов, словно хотел сказать: "Что с него взять - одной ногой в могиле!" Сколько раз он замечал, как клерки прячут ухмылки, а тот щенок Боб Пиллин в тесном, как собачий ошейник, воротничке надменно щурится. Надушенная кукла Розамунда боится, как бы он не загнулся, прежде чем она успеет обобрать его до нитки. Камердинер все время как-то странно поглядывает на него. А уж эта святоша!... Ну нет, погодите! Не очень-то скоро дождетесь своего! И в четвертый раз наполнив бокал, он маленькими глотками тянул темно-красную жидкость, которую обожал, а потом, глубоко затянувшись сигарой, закрыл глаза.

ГЛАВА II

1

Комната в отеле, где обычно происходили общие собрания акционеров "Британской судовладельческой компании", была уже почти переполнена, когда секретарь вошел туда через дверь, отделявшую акционеров от директоров. Осмотрев приготовленные для директоров кресла, чернила, бумагу и кивнув кое-кому из акционеров, секретарь, держа в руках часы, стоял, наблюдая за присутствующими. Ни разу не собиралось так много народу! Это вызвано, конечно, снизившимися дивидендами и предполагаемой покупкой судов у Пиллина.

Секретарь усмехнулся. Он презирал правление, за исключением председателя, но вдвойне презирал акционеров. Если вдуматься, забавное это зрелище - общее собрание! Единственное в своем роде! Восемьдесят или сто мужчин и пять женщин пришли сюда только потому, что поклоняются деньгам. Что еще на свете делается с таким единоплеменником? Церковь не идет ни в какое сравнение: слишком много мотивов, помимо поклонения всевышнему, переплетается в душе у человека. Иронические мысленные комментарии доставляли удовольствие этому высокообразованному молодому человеку, почитателю Анатоля Франса и других писателей. Неужели эти люди думают, что их приход что-нибудь изменит? Половина третьего! Секретарь спрятал часы в карман и пошел в комнату правления.

Возбужденные завтраком и предварительным обменом мнений, директора, очевидно, чувствовали себя весьма уютно, несмотря на февральскую погоду. Четверо из них еще оживленно беседовали у камина, пятый расчесывал бороду. Председатель сидел с закрытыми глазами и, мерно двигая губами, сосал леденец; в руках он держал листки бумаги с заготовленной речью. Секретарь бодро произнес:

- Пора, сэр!

Старый Хейторп проглотил конфету, поднялся, опираясь на руку секретаря, и проследовал к своему креслу в центре стола. Пять директоров последовали за ним. Стоя справа от председателя, секретарь, четко, тщательно выговаривая слова, прочел повестку заседания. Потом он помог председателю подняться и, окинув взглядом ряды, подумал: "Не надо было показывать, что он не может сам встать. А он должен был бы разрешить мне прочитать его речь - все равно я ее написал".

Председатель начал:

- Леди и джентльмены! Я рад снова, как делал последние девятнадцать лет, предложить вашему вниманию отчет правления за истекшие двенадцать месяцев. Вы обратите особое внимание, разумеется, на одно мероприятие, которое намечает правление и для проведения которого мы сегодня испросим вашего одобрения, - я вернусь к этому в конце своего доклада...

- Простите, сэр, здесь ничего не слышно!

"Ну вот, - подумал секретарь. - Я так и знал". Председатель невозмутимо продолжал речь. Однако скоро встали еще несколько акционеров, и тот же раздраженный голос произнес:

- В таком случае лучше отправляться по домам. Неужели никто не может прочитать за председателя, если он потерял голос?

Председатель выпил глоток воды и снова заговорил... Но теперь уже почти все в последних рядах встали с мест, поднялся нестройный гул. Тогда председатель протянул секретарю листки с речью и тяжело сел в кресло.

Секретарь начал читать с самого начала и после каждой фразы думал: "Отлично сказано!" "На редкость ясная мысль!" "Тонкий ход". "Это проймет их". "Обидно: никто не знает, что речь сочинил я". Дойдя до сделки с Пиллином, он сделал паузу.

- Теперь я перехожу к мероприятию, о котором упомянул вначале.

Правление решило - расширить деятельность компании, купив у "Акционерного общества Пиллин" весь его грузовой флот. В результате этой операции мы станем владельцами четырех пароходов: "Смирна", "Дамаск", "Тир" и "Сидон" - судов в отличном состоянии, общей грузоподъемностью в пятнадцать тысяч тонн, за весьма невысокую цену - шестьдесят тысяч фунтов стерлингов.

"Vestigia nulla retrorsum" {Ни шагу назад (лат.)}, джентльмены! - (Эту фразу председатель собственноручно вставил в речь, и секретарь отдавал ей должное.) - Мы переживаем трудные времена, но правление убеждено, что есть все признаки улучшения и настал удобный момент для новых решительных усилий. Члены правления с уверенностью рекомендуют вам принять этот курс и одобрить покупку, которая, по их убеждению, в недалеком будущем значительно увеличит прибыли Компании.

Секретарь неохотно сел. По его мнению, речь следовало бы заключить кое-какими воодушевляющими фразами, и он тщательно их заготовил, но председатель все вычеркнул, сказав: "Они должны быть рады такой возможности". Секретарь полагал, что это было ошибкой.

Затем поднялся тот директор, который расчесывал бороду, представительный господин, не умеющий говорить долго и дипломатично. Пока он говорил, секретарь наблюдал за присутствующими, стараясь определить, откуда следует ждать оппозиции. Большинство сидело с осовелым видом - хороший признак, но человек десять листали отчет, и трое-четверо делали пометки: Уэстгейт, например, который сам хотел пролезть в правление, и потому можно было поручиться, что он строит какую-нибудь каверзу - испытанный способ сутяг; потом Баттерсон, который тоже хотел попасть в правление и потому наверняка будет поддерживать директоров - испытанный способ льстецов; кроме того, элементарное знание людей подсказывало секретарю, что тот субъект, который заявил, что лучше отправляться по домам, тоже выскочит с чем-нибудь неприятным. Директор закончил выступление, погладил пальцами бороду и сел на место.

Последовала секундная пауза. Затем встали одновременно Уэстгейт и

Баттерсон. Увидев, что председатель кивнул Баттерсону, секретарь подумал: "Ошибка! Надо было сначала дать слово Уэстгейту и тем самым ублажить его". Но в том-то и беда, что старик не имеет представления о *suaviter in modo!* {Приятном обхождении (лат.).} Поощренный мистер Баттерсон, сказал, что он "хотел бы, если будет позволено, поздравить правление с тем, что оно, как опытный кормчий, так плавно провело корабль Компании по бурным водам прошлого года. До тех пор, пока у руля находится достойный председатель, он, Баттерсон, не имеет ни малейшего сомнения, что, хотя барометр все еще стоит низко и... гм... критический период не миновал, они могут рассчитывать на умирение крепкого ветра, можно даже сказать... гм... шторма. Надо признать, что нынешний дивиденд - четыре процента - отнюдь не может удовлетворить всех присутствующих ("Слушайте, слушайте!"), но лично он - и он надеется, что и другие - здесь мистер Баттерсон оглядел собрание - понимают, что при сложившихся обстоятельствах четыре процента прибыли - это все, на что они имеют основание... гм... надеяться. Он полагает, что реализуя смелые, но, по его мнению, надежные мероприятия, которые намечены правлением, они могут с некоторой уверенностью ожидать наступления более отрадного будущего. ("Нет, не можем!") Кто-то из акционеров сейчас сказал: "Нет, не можем!". Это, вероятно, указывает на известное сомнение в том, что планы, предложенные нашему собранию, целесообразны. ("Вот именно!") В таком случае хотелось бы сразу отмежеваться от малoverов. Их председатель, человек, который неоднократно доказывал свою проницательность, предусмотрительность и мужество во многих и сухопутных и... гм... морских делах, не стал бы участвовать в этом начинании, если бы не имел на то достаточно веских оснований. По его, мистера Баттерсона, глубочайшему убеждению, их Компания

находится в надежных руках, и он счастлив полностью поддержать предложенные мероприятия. Как хорошо сказал председатель в своей речи: "Vestigia nulla retrorsum!" Акционеры согласятся с ним, что это лучший девиз для англичанина. Кхе-м!"

Мистер Баттерсон сел на место. Поднялся мистер Уэстгейт.

Он сказал, что хочет узнать подробнее, гораздо подробнее об этом предложении, которое, на его взгляд, является весьма и весьма сомнительным... ("Да, - подумал секретарь, - я же говорил старику, что надо побольше рассказать...") Кому первому, например, было сделано предложение со стороны Пиллина? Председатель говорит, что ему. Отлично! Но почему Пиллин продает суда, если стоимость морских перевозок должна, как нас уверяют, возрасти?

- Значит, он другого мнения.

- Совершенно верно! Так вот, и по моему мнению, стоимость перевозок упадет, и Пиллин прав, что хочет продать суда. Отсюда следует, что покупать их нам нельзя ("Слушайте, слушайте!" "Нет, нет!"). У Пиллина в правлении сидят толковые люди. Что там председатель говорит? Нервы? Неужели он в самом деле хочет уверить нас, что эта продажа вызвана слабыми нервами?

Председатель кивнул.

- Это мне кажется по меньшей мере фантастическим предположением, но сейчас оставим это в стороне и ограничимся вопросом: на чем конкретно основана уверенность председателя? Что именно побуждает правление навязывать нам в такое неблагоприятное время то, что я не колеблясь назову скоропалительным решением? Одним словом, я хочу ясности, полной ясности в этом деле.

Мистер Уэстгейт сел.

Как же теперь поступит председатель? Положение затруднительное: председатель беспомощен, другие директора как-то равнодушны. И тут секретарь острее, чем всегда, почувствовал нелепость того, что он, который несколькими продуманными фразами мог так легко обвести собрание вокруг пальца, - всего лишь мелкая сошка. Но вдруг он услышал глубокий рокочущий вздох, который предшествовал обычно выступлениям председателя.

- Кто-либо еще из джентльменов хочет что-нибудь сказать, прежде чем я поставлю вопрос на голосование?

Так он только раздражит их! Ну, конечно, тот субъект, который кричал, что можно идти по домам, уже вскочил на ноги. Какую гадость он еще надумал?

- Мистер Уэстгейт требует полной ясности. Мне тоже не нравится это дело. Я никого ни в чем не обвиняю, но мне кажется, что за этим что-то кроется и акционеры должны обо всем знать. И не только это! Говоря по совести, мне отнюдь не доставляет удовольствия терпеть самоуправство человека, который - каков бы он ни был в прошлом - теперь совсем не находится в расцвете сил.

У секретаря перехватило дыхание: "Так я и знал! Этот скажет - ножом отрежет!"

Подле себя он снова услышал ворчание. Председатель побагровел, поджал губы, маленькие глазки его стали совсем синими.

- Помогите мне встать! - сказал он.

Секретарь помог ему подняться и затаил дыхание. Председатель выпил воды, и его голос, неожиданно громкий, разорвал зловещую тишину.

- Ни разу в жизни мне не приходилось выслушивать подобных оскорблений.

На протяжении девятнадцати лет я отдавал все силы для вашего блага, леди и джентльмены, и вы знаете, каких успехов достигла наша Компания. Я самый старший по возрасту среди присутствующих здесь и смею надеяться, что мой опыт по части морских перевозок несколько богаче, чем у двоих джентльменов, которые выступали здесь. Леди и джентльмены, я делал все, что мог, и если говоривший последним джентльмен действительно думает то, что сказал, то вам решать, поддержите ли вы обвинение, задевающее мою честь, или нет. Эта операция вам выгодна. Успех всегда в движении, и лично я никогда не соглашусь коснеть в бездеятельности. Если вам угодно коснеть, поддержите этих джентльменов, и больше не о чем разговаривать. Повторяю: стоимость перевозок возрастет еще до конца года, покупка выгодна, более чем выгодна, - я, во всяком случае, так считаю. Ваше право отвергнуть это предложение. В таком случае я подаю в отставку.

Председатель сел. Украдкой посмотрев на него, секретарь с воодушевлением подумал: "Браво! Кто бы мог поверить, что он сумеет так поднять голос как раз в нужный момент? И какой тонкий ход насчет чести! Удар наверняка, что и говорить! А все-таки дела могут принять иной оборот, если тот субъект в заднем ряду возьмет слово: у старика просто не хватит сил отразить второй удар. Кто это там? А, старик Эпплпай хочет что-то сказать. Ну, этот не подведет!"

- Я без колебаний заявляю, что являюсь старым другом председателя, многие из нас - старые его друзья, и потому мне, как, несомненно, и другим, больно было слышать эти незаслуженные оскорбления. Если он и стар годами, то ума и мужества у него больше, чем у молодого. Нам бы всем быть такими энергичными, как он. Мы обязаны поддержать председателя, да, да, обязаны!

("Слушайте, слушайте!")

Секретарь облегченно вздохнул: "Пронесло!" - и почувствовал какое-то непонятное волнение, когда председатель, точно деревянная игрушка, качнулся в поклоне в сторону старого Эпплпая, и тот тоже качнулся в ответ. Потом он заметил, что поднялся акционер, сидевший у двери. "Кто это? Знакомое лицо... А, Вентнор, стряпчий, один из кредиторов председателя! Они как раз сегодня собираются снова прийти к нему. Что-то будет!"

- Я не могу согласиться с предыдущим оратором: личные симпатии и антипатии не должны сказываться на нашем суждении в этом деле. Вопрос крайне прост: как оно отразится на наших карманах? Не скрою, я шел сюда с некоторыми опасениями, но поведение председателя рассеяло их. Я поддерживаю предложение правления.

Секретарь думал: "Все как будто верно, но он как-то странно говорит, очень странно".

После длительного молчания председатель объявил, не поднимаясь с места:

- Предлагаю утвердить отчет и счета. Кто "за", прошу голосовать обычным путем. Кто против? Принято.

Секретарь записал имена тех, кто голосовал против, - их было шестеро. Мистер Уэстгейт воздержался.

Четверть часа спустя секретарь стоял посреди быстро пустеющей комнаты и называл имена репортеру. Тот бесстрастно вопрошал:

- Так вы говорите, "Хейторп" пишется через "э"? Через "е"? Понятно. Он, видимо, очень стар. Благодарю вас. Вы позволите мне взять эти листки с речью? Гранки вам прислать? Так вы сказали: через "э"? Ах, да, "е", простите! До свидания!

Секретарь думал: "Что происходит с этими людьми? До сих пор не знать председателя!.."

2

По возвращении в контору Компании старый Хейторп сидел, покуривая сигару и жмурясь, как сытый кот. Он вспоминал одержанную победу, отсеивая своим старческим, но еще тонким и гибким умом ценное зерно от соломы недоверия. Уэстгейт не страшен: он вечно будет недоволен до тех пор, пока они не заткнут ему рот, предоставив место директора, но этого не случится, пока бразды правления в его руках! А у того субъекта, что сидел в заднем ряду, просто дурной характер. "За этим что-то кроется". Неужели подозревает что-нибудь? Да, кроется, ну и что? Они должны считать это удачей - получить за такую цену четыре судна, и все благодаря ему. Вызывало сомнения последнее выступление. Этот Вентнор, которому он должен деньги, - что-то странное проскальзывало в его тоне, как будто он хотел сказать: "Я чую недоброе". Ну что ж, через полчаса придут кредиторы, и все выяснится.

- Мистер Пиллин, сэр.

- Просите!

Вошел Джо Пиллин; его тощая фигура совершенно терялась в меховом пальто. Сидящие бакенбарды окаймляли худое, покрасневшее от мороза лицо: на улице шел снег.

- Как ты себя чувствуешь, Сильванес? Не страдаешь от этого холода?

- Мне жарко, как в печке. Снимай пальто, садись!

- Нет, боюсь простудиться. У тебя, наверное, огонь внутри. Итак, покупка утверждена?

Старый Хейторп кивнул. Скользя, как тень, Джо Пиллин подошел к двери и проверил, закрыта ли она. Потом возвратился к столу и тихо сказал:

- Ты знаешь, это большая жертва с моей стороны.

Старый Хейторп улыбнулся.

- Ты подписал обязательство?

Джо Пиллин вытащил из кармана бумаги, осторожно развернул их и показал подпись:

- Не нравится мне все это. Но теперь уже ничего не отменишь.

Старый Хейторп ответил со смешком:

- Как не отменишь смерть.

Голос Джо Пиллина зазвенел дискантом:

- Мне страшно неприятно, когда что-нибудь нельзя вернуть. Ты взял меня на испуг, сыграл на моих слабых нервах.

Рассматривая подписи, старый Хейторп пробурчал:

- Скажи своему юристу, чтобы он ненадежнее припрятал эту бумагу. Он, должно быть, считает тебя донжуаном, Джо.

- Представь, что после моей смерти это станет известно жене!

- Ну, пилить тебя она уже не сможет, и тебе там в аду не станет жарче.

Джо Пиллин убрал документ под пальто и издал странный, всхлипывающий звук. Он не выносил, когда шутили такими вещами.

- Все вышло, как ты хотел, всегда получается по-твоему. Но кто эта миссис Ларн? Я ведь должен это знать. Боб, кажется, видел ее в твоём доме. А

ты говорил, что она не бывает там.

Старый Хейторп заговорил, смакуя каждое слово:

- Муж этой дамы был моим сыном от женщины, которую я любил до женитьбы.

Ее дети - мои внуки. Ты помог обеспечить их. Это лучшее, что ты сделал в жизни.

- Н-не уверен. Мне не нужно было спрашивать. Теперь сомнения совсем одолеют меня. Как только передача будет закончена, я уеду за границу. Этот холод - смерть для меня. Ты бы дал мне рецепт, как не мерзнуть.

- Смени внутренности.

Джо Пиллин смотрел на своего друга с какой-то тоской.

- Хоть ты и сильный человек, долго тебе не протянуть, жизнь на ниточке висит.

- Ниточка еще крепкая, дорогой.

- Ну, прощай, Сильванес! Мне пора домой. Ты плохой утешитель!

Он надел шляпу и, потерявшись в своем меховом пальто, вышел в коридор.

На лестнице ему встретился человек и сказал:

- Как поживаете, мистер Пиллин? Я знаком с вашим сыном. Были у председателя? Продажа, как я понимаю, утверждена. Надеюсь, мы не прогадаем, но вы, разумеется, думаете иначе?

Джо Пиллин внимательно посмотрел на собеседника из-под полей шляпы.

- Мистер Вентнор? Благодарю вас! Сегодня очень холодно, не правда ли?

И, сделав это осторожное замечание, он пошел вниз.

Оставшись один, старый Хейторп размышлял: "Ей-богу, дрожит, как осиновый лист! Такому жиань - сплошные неприятности! Он боится всего, прямо-таки сжился со страхом, бедняга!" Чувство подъема и легкости, которого

он не знал вот уже много месяцев, наполнило ему грудь. Теперь те двое ребятишек избавлены от нужды!

Сейчас он разделяется с проклятыми кредиторами и отправится навестить внуков. Имея двести фунтов в год, мальчишка поступит в армию - самое подходящее место для такого сорванца. Девчонку в любой момент можно сбыть с рук, но ей нет необходимости выскакивать замуж за первого попавшегося бездельника. Что до их мамы, то пусть она сама заботится о себе: ей нужно иметь каждый год не меньше двух тысяч, чтобы распутываться с постоянными долгами. Но будьте покойны, она наглостью и лестью сумеет вывернуться из любой переделки! Следя за тем, как вился и пропадал дымок от сигары, он внезапно почувствовал, в каком напряжении находился последние шесть недель, как старательно гнал мысли о сегодняшнем общем собрании. Да, дела могли принять совсем иной оборот. Он хорошо знал расстановку сил в правлении и вне его и особенно тех, кому до смерти хотелось бы от него избавиться. А если бы ему пришлось уйти, другие две компании тоже дали бы ему отставку, и тогда плакало его жалованье, все до последнего пенса; он будет нищим, зависеть от дочки-святоши. А сейчас он безбедно протянет еще год, если сумеет отбиться от кредиторов-акул. На сей раз это окажется труднее, но ему везет, должно повезти и теперь. И, сделав глубокую затажку, он позвонил.

- Зовите их сюда, мистер Фарни, и принесите мне, пожалуйста, чашку китайского чаю покрепче.

- Слушаю, сэр. Вы сами посмотрите оттиск газетного отчета или поручите это мне?

- Вам.

- Хорошо, сэр. Собрание прошло удачно, как вы считаете?

Старый Хейторп кивнул.

- И удивительно, как это в самый нужный момент к вам вернулся голос! Я уж опасался, что будет трудно убедить их. Вы, конечно, не могли не ответить на оскорбление. Нужно же додуматься до такой чудовищной вещи! Мне хотелось стукнуть его.

Старый Хейторп кивнул опять и, глядя в красивые голубые глаза секретаря, повторил:

- Просите их.

Снова на минуту оставшись один, старый Хейторп подумал: "Как это поразило его! Если бы он только знал - пощады не жди".

Кредиторы - на этот раз их было десять - входили, кланяясь своему должнику, и явно недоумевали, какого дьявола они должны быть вежливы с человеком, который не хочет возвращать им деньги. Потом секретарь принес чай, и они ждали, пока председатель выпьет всю чашку. Руки у председателя дрожали, и потому операция эта требовала немалой ловкости. Сумеет ли он не расплескать чай себе на грудь и не поперхнуться? Тем, кто не знал председателя в частной жизни, показалось, что тут не обошлось без вмешательства сверхъестественных сил. Наконец он благополучно отставил чашку, неверными пальцами снял несколько желтых капелек с седого кустика на подбородке, зажег сигару и начал:

- Джентльмены, буду говорить без обиняков. Я могу предложить следующее: пока я жив и состою членом нескольких правлений, я ежегодно буду выплачивать вам тысячу четыреста фунтов и ни пенса больше. Если вы не можете согласиться на это, я буду вынужден объявить себя банкротом, и тогда вы получите около шести пенсов за фунт. За мои акции по рыночной цене можно получить около

двух тысяч. Больше у меня ничего нет. Дом, в котором я живу, и все, что есть в нем, за исключением одежды, вина и сигар, принадлежит моей дочери, согласно дарственной записи, сделанной пятнадцать лет назад. Вы можете получить полную информацию у моих юристов и банкиров. Таково в двух словах положение вещей.

Несмотря на то, что все десять джентльменов были опытные в делах, они с трудом скрывали свое изумление. Человек, который так много задолжал, скажет, естественно, что у него ничего нет, но решится ли он ссылаться на юристов и банкиров, если это неправда? Мистер Вентнор спросил:

- Вы позволите нам ознакомиться с вашими банковскими книжками?

- Нет, но я уполномочу своих банкиров представить вам справку о моих доходах за последние пять лет или больше, если угодно.

Кредиторы были умышленно рассажены вокруг большого стола, за которым собирались члены правления, - и этот стратегический ход лишил их возможности свободно, не опасаясь быть подслушанными, обменяться мнениями. Наклоняясь поочередно друг к другу, они переговаривались тихими голосами, и наконец мистер Браунби выразил общее мнение:

- Мистер Хейторп, мы полагаем, что при ваших дивидендах и жалованье вы можете выделить большую сумму. Вы должны выплачивать нам тысячу шестьсот фунтов ежегодно. Вы понимаете, что эта перспектива не из блестящих. Но мы все-таки надеемся, что вы проживете еще несколько лет. Мы исчисляем ваши доходы в две тысячи фунтов.

Старый Хейторп покачал головой.

- Тысяча девятьсот тридцать фунтов в хороший год. А я должен есть и пить, должен держать слугу, чтобы ухаживал за мной, - я немного сдал.

Меньше, чем пятью сотнями, не обойтись, значит, тысяча четыреста фунтов - это все, что я могу вам предложить, джентльмены. На две сотни больше, чем прежде. Это мое последнее слово.

Молчание нарушил мистер Вентнор.

- Эта сумма меня не удовлетворяет, и это мое последнее слово. Если остальные джентльмены примут ваше предложение, я буду вынужден действовать самостоятельно.

Старик пристально посмотрел на него и ответил:

- Разумеется, сэр! Посмотрим, чего вы добьетесь.

Кредиторы встали с мест и собрались кучкой у противоположного конца стола; остались сидеть только Хейторп и мистер Вентнор. Старик выпятил нижнюю губу, так что волоски на подбородке встали точно щетина. "Ах ты, пес! - думал он. - Воображаешь, будто можешь поймать меня на чем-то. Ну, что ж, действуй!" Стряпчий встал и присоединился к остальным. Закрыв глаза, старый Хейторп сидел в полной неподвижности, зажав между зубами потухшую сигару. Мистер Браунби обернулся и, прочистив горло, сообщил ему принятое решение.

- Мистер Хейторп, если юристы и банкиры подтвердят ваше заявление, мы примем это предложение, *faute de mieux* {За неимением лучшего (франц.)} в расчете на то... - Но, встретив взгляд старика, в котором отчетливо читалось: "К черту твои расчеты!" - запинаясь закончил: - Может быть, вы будете так добры и предоставите нам полномочия, о которых говорили?

Старый Хейторп кивнул, и мистер Браунби, поклонившись, с прижатой к груди шляпой, двинулся к двери. Девять джентльменов последовали за ним. Мистер Вентнор, шедший позади, оглянулся. Но старик уже закрыл глаза.

Как только кредиторы ушли, Хейторп позвонил.

- Помогите мне встать, мистер Фарни. Сколько у этого Вентнора акций?

- Акции десять, я думаю, не больше.

- Угу! Который час?

- Четверть четвертого, сэр.

- Наймите мне такси.

Заехав в банк и к юристу, он еще раз втиснулся в автомобиль и приказал ехать на Миллисент-Виллас. Сидел полусонный и торжествующий, не замечая, как мчится автомобиль, как его трясет и подбрасывает. Итак, эти акулы не станут приставать к нему, пока он держится в правлениях, и ему будет каждый год еще перепадать сотня или побольше - деньги пригодятся для Розамунды и внуков. Сам он может прожить на четыре сотни, а то и на три с половиной, не поступаясь своей независимостью. Он не вынесет жизни в доме той святоши, если не будет в состоянии оплачивать свое содержание. Неплохо сегодня поработал! Лучше, чем за много-много месяцев.

Автомобиль остановился перед одной из вилл.

3

Есть комнаты, которые не выдают своих владельцев, а есть такие, которые, кажется, сразу же выбалтывают: "Вот они какие!" К последним принадлежала комната Розамунды Ларн. Она словно говорила всем и каждому, кто входил: "Что ей нравится? Смотрите сами - все яркое и веселое. Привычки? Она сидит здесь по утрам в халате, курит, пачкает все чернилами - поглядите,

будьте добры, на ковер. Обратите внимание на пианино: у него такой вид, точно его то и дело уносят и приносят вновь - в зависимости от состояния кошелька. Широкий диван с подушками всегда стоит на месте, и за акварели на стенах не приходится беспокоиться - они писаны хозяйкой. Вы заметили, что пахнет мимозой? Она любит цветы с сильным запахом. Конечно, никаких часов. Посмотрите на бюро. Она, очевидно, переворачивает все вверх дном, ища какую-нибудь пропажу, и ворчит: "Эллен, где то и где это? Опять ты прибирала здесь, несносная девчонка!" Киньте взгляд на груды рукописей, и вы поймете, что хозяйка имеет, по всей видимости, склонность к сочинительству, слова так и бегут у нее с кончика пера, и, как Шекспир, она никогда не зачеркивает написанного. Да, она провела электрический свет вместо этого ужасного газового, но не пытайтесь зажечь хоть одну лампу: за последние месяцы, разумеется, не уплачено, и оттого она пользуется керосиновой лампой - это можно угадать по закопченному потолку. А вот собачонка, которая не откликается на имя "Кармен", - это китайский спаньель, похожий на джина, с выпученными глазами и почти без носа; у этой Кармен такой вид, будто она понятия не имеет, что случится через секунду, и бедняжка права: ее то ласкают, то гонят прочь! Посмотрите, что стоит на подносе, довольно стареньком и неказистом (правда, не оловянном). И должна вам прямо сказать, что ни у одного миллионера на подносе, несмотря на все великолепие последнего, не стоит бутылка ликера".

Слуга доложил: "Мистер Эзоп" - и старый Хейторп вошел в эту комнату, что тянулась от передней до задней стены крошечного домика и сейчас гудела от шума: здесь Филлис играла на фортепьяно, мальчишка Джок на коврике перед

камином время от времени неистово дудел в окарину, миссис Ларн болтала на диване с Бобом Пиллином, а тот бормотал из вежливости: "Да-да! Конечно! А как же иначе!" - и, выворачивая шею, украдкой поглядывал на Филлис. А на подоконнике, подальше от всего этого гомона, собачонка Кармен отупело вращала глазами.

Увидев посетителя, Джок извлек из окарины душераздирающий звук, метнулся за диван и, опершись подбородком о его спинку, выставил круглое, розовощекое, неподвижное личико, а Кармен попыталась вскарабкаться по шнуру на шторы.

Поддерживаемый сзади обнявшей его Филлис, старый Хейторп двинулся за благоухающей миссис Ларн к дивану. Диван был низкий, и когда он плюхнулся на него, Джок издал какой-то утробный стон. Боб Пиллин первым нарушил молчание.

- Как поживаете, сэр? Надеюсь, все уладилось?

Старый Хейторп кивнул. Взгляд его был устремлен на бутылку ликера, и миссис Ларн проворковала:

- Дорогой опекун, вы непременно должны отведать нашего нового ликера.

Джок, скверный мальчишка, вылезай оттуда, принеси дедушке рюмку!

Джок приблизился к столу, взял рюмку и, посмотрев ее на свет, быстро наполнил.

- Ах ты, негодник! Ты же видишь, что из этой рюмки пили.

Ангельским голоском Джок ответил:

- Не сердись, мамочка. Я это сейчас сам выпью. - И, мгновенно вылив желтую жидкость себе в рот, достал другую, чистую рюмку.

Миссис Ларн рассмеялась:

- Ну что с ним поделаешь?

Громкий визг не дал старому Хейторпу ответить. Филлис, которая взяла было братца за ухо, чтобы вывести его за дверь, отпустила его и схватилась за укушенный палец. Боб Пиллин поспешил к ней, а миссис Ларн улыбнулась и, кивнув в сторону молодого человека, сказала:

- Видите, какие ужасные дети! А он симпатичный юноша. Нам он очень нравится.

Старик усмехнулся. Она уже лебезит перед этим щенком? Не сводя с него глаз, миссис Ларн проворковала:

- Опекун, вы такой же своенравный, как и Джок. Он весь в вас пошел. Только посмотрите на форму головы. Джок, подойди сюда!

Мальчик подошел с невинным видом и остановился перед матерью. Розовощекий, голубоглазый, с прелестным ртом - настоящий херувим. Вдруг он отчаянно задудел в окарину. Миссис Ларн размахнулась, чтобы дать ему пощечину, но он угадал ее намерение и ничком растянулся на полу.

- Вот как он себя ведет! Убирайся, негодный, мне нужно поговорить с опекуном.

Джок пополз прочь и уселся у стены, скрестив ноги и неподвижно глядя своими круглыми невинными глазами на старого Хейторпа. Миссис Ларн вздохнула.

- Дела все хуже и хуже. Ломаю голову, как бы перебиться эти три месяца. Вы не одолжили бы мне сотню фунтов под мой новый рассказ? В конце концов я наверняка получу за него пару сотен.

Старик покачал головой.

- Мне удалось кое-что сделать для вас и детей. Дня через два-три вас известят. Больше ни о чем не спрашивайте.

- Правда? Опекун, дорогой! - Взгляд ее остановился на Бобе Пиллине.

Филлис снова села за фортепьяно, и он склонился над нею.

- Зачем вы пригрили этого олуха? Хотите, чтобы она попала в руки первому попавшемуся ничтожеству?

Миссис Ларн шепотом согласилась:

- Конечно, девочка еще слишком молода. Филлис, иди сюда, поговори с дедушкой!

Когда девушка уселась подле него на диване, он почувствовал, как в нем поднимается та волна нежности, которую может вызвать единственно близость юного существа.

- Ну, как ты ведешь себя? Пай-девочкой?

Она мотнула головой.

- Когда Джок не в школе, это невозможно. А у мамы нет денег, чтобы заплатить за его учение.

Услышав свое имя, мальчик опять начал дуть в трубу, но миссис Ларн выпроводила его из комнаты, и Филлис продолжала:

- Вы даже представить себе не можете, до чего несносен этот мальчишка.

Неужели папа был похож на него, опекун? Мама так таинственно говорит о папе.

Вы, наверное, его хорошо знали?

Старый Хейторп невозмутимо ответил:

- Не очень.

- А кто был его отец? Я думаю, этого и мама не знает.

- Он был светским человеком в старые времена.

- В старые времена жилось очень весело, правда? Вы носили что-то вроде галифе и бакенбарды?

Хейторп кивнул.

- Как интересно! Вы, наверное, играли в карты, и у вас были всякие приключения с танцовщицами. Теперь молодые люди такие примерные. - Она посмотрела на Боба Пиллина. - Этот, например, воплощенная добродетель.

Старый Хейторп хмыкнул.

- Я не знала, какой он примерный, пока мы не проехали с ним через тоннель, - продолжала Филлис задумчиво. - Там его в темноте обняли за талию, а он сидел, не шелохнувшись. Когда же тоннель кончился, оказалось, что это Джок, а вовсе не я. Какое у него было лицо, если бы вы видели. Ха, ха! - Она откинула голову, открыв белую круглую шейку. Затем, придвинувшись поближе, прошептала:

- Он, конечно, любит изображать из себя настоящего мужчину. Обещал пригласить меня с мамой в театр, а потом ужинать. Вот забавно будет! Только мне не в чем ехать.

Старый Хейторп спросил:

- А что тебе нужно? Ирландский поплин, например?

От восторженного удивления она даже раскрыла рот.

- О опекун! Лучше белый шелк.

- Сколько ярдов тебе нужно на платье?

- Наверное, ярдов двенадцать. Мы сами сошьем. Какой ты милый!

Он услышал запах ее волос, ароматных, как душистое сено, она чмокнула его в нос, и в душе у него возникло такое же чувство, как и тогда, когда он смаковал первый в его жизни глоток вина. Этот дом - жалкое строение, ее матушка - кукла, братец - негодный сорванец, но ему было здесь так тепло, как никогда в том большом особняке, который принадлежал его жене, а теперь

дочери-святоше. И он еще раз испытал удовольствие от мысли, что, злоупотребив доверием правления, сумел добыть деньги, и эти юные существа обрели какую-то почву под ногами в суровом, безжалостном мире. Филлис прошептала у него над ухом:

- Опекун, погляди. Он все время таращит на меня глаза. Точь-в-точь вареный кролик!

Боб Пиллин, вынужденный слушать болтовню миссис Ларн, повернув голову, неотрывно смотрел на девушку. Помешался парень, ясно! Было даже что-то трогательное во взгляде этих щенячьих глаз. Старый Хейторп подумал: "Ах ты, бродяга! Мне бы твои годы!" Как это несправедливо: тело дряхлое, немощное, а страсть к наслаждениям не стихает! Говорят, мужчине столько лет, сколько он сам в себе чувствует. Дурачье! Все зависит от того, как действуют руки и ноги! Внезапно он услышал, как Филлис словно всхлипнула, личико ее затуманилось, и, казалось, вот-вот на глазах выступят слезы. Соскочив с дивана, она подошла к окну, взяла на руки собачонку и зарылась лицом в коричневый с белым мех. Старый Хейторп думал: "Она отлично понимает, что хитрая мамаша использует ее как приманку". Филлис скоро вернулась; собачонка страшно вращала глазами и, отчаянно пытаясь вырваться, забралась, как кошка, к девушке на плечо, чтобы спрыгнуть на пол, но та крепко держала ее за лапу. Старый Хейторп вдруг спросил:

- Ты очень любишь мать?

- Ну, конечно, опекун. Я обожаю ее.

- Гм! Так вот, слушай меня. Когда достигнешь совершеннолетия и выйдешь замуж, ты будешь ежегодно получать тысячу двести фунтов. Не поддавайся ничьим уговорам, делай, как сама решишь. И помни: твоя мать-мотовка, деньги

у нее как сквозь решето уходят. Береги свои деньги. Хотя это жалкие гроши, они очень тебе понадобятся, все до пенса пригодятся.

Филлис широко раскрыла глаза - он даже усомнился, поняла ли она, что он сказал.

- Ох, опекун, деньги - ужасная штука!

- Ужасно, когда их нет.

- Нет, и они ужасны. Если бы мы были, как птицы! Или вот каждый выставлял бы на ночь тарелку, а утром она у него была бы полна, и на весь день хватало бы.

Старый Хейторп вздохнул:

- Главное в жизни - независимость. Потерять независимость - потерять все. Вот зачем нужны деньги. Помоги мне встать.

Филлис протянула руки, и собачонка, соскочив на пол, снова заняла свое место на подоконнике у штор.

Встав, старый Хейторп сказал:

- Поцелуй меня. Шелк будет завтра.

Потом, посмотрев на Боба Пиллина, спросил:

- Вам не в мою сторону? Могу подвезти.

Молодой человек, кинув на Филлис умоляющий взгляд, нехотя протянул: "Благодарю-ю!" - и они вышли вместе к такси. Они сидели молча в наглухо закрытой машине, испытывая глубочайшее презрение друг к другу, свойственное старости и молодости. Хейторп злился на этого юнца, который имел какие-то намерения в отношении его племянницы, а тот, в свою очередь, клял "старого идола", который увез его, хотя он никак не хотел уходить. Наконец старый Хейторп буркнул:

- Ну?

Вынужденный ответить что-нибудь, Боб Пиллин пробормотал:

- Я рад, что собрание прошло удачно, сэр. Вы взяли верх.

- Не понимаю?

- Я полагал, что у вас будет сильная оппозиция.

Старый Хейторп посмотрел на него.

- Расскажите об этом своей бабушке, - буркнул он. Затем, переходя по привычке к нападению, добавил: - А вы не теряете времени, как я вижу.

Огорошенный его грубой прямоотой, молодой человек постарался придать своему розовощекому лицу выражение достоинства.

- Я не понимаю, что вы имеете в виду, сэр. Миссис Ларн очень любезна ко мне.

- Еще бы! Но не пытайтесь сорвать цветок.

Окончательно потрясенный, Боб Пиллин упрямо молчал. Эти две недели, промелькнувшие с тех пор, как в доме старого Хейторпа он встретил Филлис, казались ему самым значительным событием в его жизни. Он ни за что не поверил бы, что человека можно так быстро выбить из колеи, принудить покориться без всякого сопротивления, - у него даже не возникало желания сопротивляться. На него, который придерживался принципа: "Наслаждайся жизнью, но не заходи слишком далеко", - эта встреча подействовала, как сильнейший и в то же время такой сладкий нокаут. Если бы только не терзание насчет того, есть ли у него шансы надеяться! Если бы он знал, нужно ли ему брать в расчет старика! Сказать: "У меня самые серьезные намерения", - казалось ему старомодным, и, кроме того, обязан ли он отчитываться перед Хейторпом? Они звали его дедушкой, но имеет ли старый скряга право

вмешиваться в их дела?

- Вы их родственник, сэр?

Старый Хейторп кивнул.

Набравшись храбрости, Боб Пиллин выпалил:

- Мне хотелось бы знать, что вы имеете против меня?

Старик насколько мог повернул к нему голову, и от недоброй усмешечки оцетинились усы, зажегся какой-то огонек в глазах. Что он имеет против? Да все! Ему не нравилась прилизанная шевелюра, щенячьи глаза, пухлые розовые щеки, высокий воротничок, бриллиантовая булавка в галстук, не нравилась эта манера тянуть слова, тупая, самодовольная рожа. Эти трусы и неженки с рыбьей кровью - никакой напористости, никакого размаха, одно стремление к безопасному благополучию. И, тяжело, с присвистом вздохнув, он ответил:

- Эх! Молоко с водой, выдающее себя за портвейн!

Боб Пиллин нахмурился.

Это было уже слишком даже для его светской выдержки. То, что дряхлый паралитик открыто не верит в его мужественность, - это переходит всякие границы! Конечно, можно не принимать его всерьез... Но тут же Боб Пиллин подумал: "А что, если он вправе прекратить мои визиты туда и намеревается восстановить ее против меня?" И сердце молодого человека екнуло.

- Очень сожалею, сэр, что кажусь вам чересчур "примерным". Я сделаю все, что могу, чтобы доказать вам обратное. - Старик что-то пробурчал.

Довольный собственным остроумием, Боб Пиллин продолжал:

- Увы, у меня приличный доход и нет долгов, нет предосудительных связей, передо мной неплохая карьера и все такое. Но я, конечно, могу все это изменить, если это нужно для того, чтобы вы признали меня подходящей

партией.

То была, верно, его первая попытка иронизировать, и он невольно подумал, как удачно это у него получилось.

Но старый Хейторп хранил гробовое молчание. Он сидел, словно какое-то чучело: старческий румянец на щеках, жалкие волосенки, квадратное туловище совсем без шеи - не хватает только трубки во рту! Неужели этот старый идол может представлять опасность? Вдруг "идол" заговорил:

- Я дам тебе совет. Перестань там околачиваться, если не хочешь обжечься! Передай привет отцу. Спокойной ночи.

Такси остановилось перед домом на Сефтон-парк. Безрассудное желание продолжать спор боролось в Бобе Пиллине с желанием выскочить из автомобиля, погрозить кулаком этому дому и убежать. Но он сказал только:

- Спасибо за то, что подвезли. Спокойной ночи!

Не спеша вышел из машины и зашагал прочь. Старый Хейторп ждал, пока шофер поможет ему встать с места, и думал: "Такой же трус, как и отец. Только потолще".

Пройдя кабинет, он сразу же опустился в кресло. В этот час здесь было удивительно тихо, слышалось лишь потрескивание угля в камине, и из парка доносился шелест ветра в ветвях. Было тепло, уютно, пламя в камине освещало комнату. Старика охватило полусонное блаженство. Неплохо он сегодня поработал. "Взял верх", - так, кажется, сказал этот щенок? Да, настоящий успех! Он выдержал натиск и победил. Впереди еще обед. А пока вздремнуть! И скоро послышалось ровное, негромкое дыхание - старик спал, иногда как-то смешно вздрагивая, словно видел блаженные сны.

ГЛАВА III

1

Десять дней спустя Боб Пиллин выходил из крошечного садика перед домом 23 на Миллисент-Виллас в смятенных чувствах: он никак не мог ухватиться за какую-нибудь ниточку, чтобы распутать клубок своих мыслей.

Он застал миссис Ларн и Филлис в гостиной, и, судя по всему, Филлис плакала, он был уверен в этом, и чувства, которые вызвали последующие события, были окрашены воспоминанием о том случае. Старый Хейторп сказал: "Смотри, не обожгись!" Предсказание начало сбываться. Отослав дочь под каким-то пустячным предлогом, надушенная миссис Ларн усадила его рядом с собой на диване и заставила выслушать длиннейшую историю о материальных затруднениях, обрушила на него такую массу нынешних горестей и розовых перспектив, что у него голова пошла кругом, и лишь одно он уловил ясно: ей позарез нужно пятьдесят фунтов, которые она непременно вернет по истечении срока. Дело в том, что дедушка Хейторп сделал дарственную запись, по которой она вплоть до совершеннолетия детей будет получать шестьдесят фунтов каждые три месяца. Это вопрос каких-нибудь нескольких недель, он может справиться у господ Скривена и Коулза - они подтвердят, что обеспечение гарантировано. Боб, конечно, мог справиться у господ Скривена и Коулза: по чистой

случайности то были поверенные его отца, - но это вряд ли относилось к делу.

Боб Пиллин был весьма осторожный молодой человек, и теперь ему предстояло выбирать: одалживать ли деньги женщине, которая, как он прекрасно понимал, могла занимать еще и еще, до бесконечности, пользуясь его увлечением ее дочерью. Не слишком ли она злоупотребляет этим обстоятельством? В то же время, если он откажет, то может потерять ее расположение, и что тогда делать? Кроме того, не укрепит ли это маленькое одолжение его позиций? Но эта мыслишка показалась ему тут же недостойной: любовь благотворно действует даже на нынешнее молодое поколение.

Если он и даст в долг, то единственно из великодушия, и к черту всякие побочные мотивы! При воспоминании о следах слез на хорошеньких бледно-розовых щечках Филлис и о ее горькой реплике: "Деньги - противная вещь" - у него заскребло на сердце, и мысли стали разбегаться. И все-таки пятьдесят фунтов - сумма немалая, и одному господу известно, сколько за ней последует еще. А что в конце концов он знает о миссис Ларн, если не считать того, что она родственница старому Хейторпу, пишет рассказы и, насколько ему известно, мастерица рассказывать басни тоже. Может быть, все-таки посоветоваться в конторе Скривена? Но тут он снова поддался приступу нелепого благородства. Филлис, Филлис! Кстати, разве дарственные могут служить обеспечением? В полнейшем смятении, так ничего и не решив, он нанял извозчика. Сегодня он обедал у Вентнора, в Чешайре, и если немедленно не отправится домой переодеться, то непременно опоздает к обеду.

В жилете и белом галстуке, он катил в отцовском автомобиле и несколько высокомерно думал о младшей дочери Вентнора, какую считал хорошенькой до знакомства с Филлис. А за обедом, сидя подле нее, он с удовлетворением

сознавал, что не подвластен ничьим чарам и может беззаботно болтать и поддразнивать девушку. Но ему с трудом удавалось подавлять желание, которое теперь почти не покидало его, - думать и говорить о Филлис. У Вентнора было вдоволь неплохого шампанского, мадера тоже оказалась первоклассной, а помимо хозяина и его самого, присутствовал еще один мужчина, да и тот непьющий - священник, который, встав из-за стола, удалился с дамами поговорить о приходских делах.

Вентнор казался любезным собеседником, обстоятельства благоприятствовали, и Боб Пиллин поддался тайному желанию завести разговор о предмете своей страсти.

- Вы случайно не знаете миссис Ларн? - спросил он небрежно. - Она родственница старого Хейторпа. Красивая женщина и пописывает рассказы.

Мистер Вентнор покачал головой. Человек более наблюдательный, чем Боб Пиллин, заметил бы, однако, что он наострил уши.

- Старого Хейторпа? Не знал, что у него есть родственники, кроме дочери и сынка, что служит в морском министерстве.

Боб Пиллин испытывал нестерпимый зуд оседлать любимого конька.

- Она... Правда, она живет довольно далеко. Имеет сына и дочь. Я думал, что, может быть, вы знаете ее рассказы. Неглупая женщина.

Вентнор улыбнулся.

- Уж эти мне дамы-сочинительницы, - загадочно сказал он. - И что же, она зарабатывает деньги своими рассказами?

Боб Пиллин знал, что когда сочинительством зарабатывают деньги, то это называют успехом, а когда не зарабатывают, о таком человеке говорят, что он причастен к искусству, и при этом, подразумевается, что у человека есть

состояние, и, значит, он подлинно светский человек. И он ответил:

- О, у нее есть какое-то состояние.

Вентнор потянулся за бутылкой мадеры.

- Так, значит, она родственница старого Хейторпа? Он давний друг вашего отца. Знаете, он скоро обанкротится.

Бобу Пиллину, разгоряченному страстью и возлияниями, мысль о том, что родственник Филлис может обанкротиться, показалась нелепой. Да и старику Хейторпу далеко до этого. Он ведь только что оформил дарственную на миссис Ларн.

- Думаю, что вы ошибаетесь. Это уже в прошлом.

Вентнор улыбнулся.

- Пари?

Боб Пиллин тоже улыбнулся.

- Я выиграю.

Вентнор провел рукой по бакенбардам.

- Не скажите, у старого Хейторпа нет ни гроша. Налейте себе мадеры.

Боб Пиллин с ноткой обиды в голосе возразил:

- Я случайно узнал, что он только что оформил дарственную на пять или шесть тысяч фунтов. Если это у вас называется банкротством...

- Что? Дарственную на имя этой миссис Ларн?

Боб Пиллин смутился: он не мог решить, сделал ли глупость, сказав то, что роняет достоинство Филлис, или, наоборот, сказанное им поднимает ее в глазах других. Помявшись, он ограничился кивком. Вентнор встал и подошел к камину.

- Дорогой мой, этого не может быть.

Не привыкший к прямым возражениям, Боб Пиллин даже покраснел.

- Готов держать пари на десять фунтов. Можете спросить у Скривена.

- Скривен? Но он же не... - воскликнул Вентнор, затем, пристально взглянув на молодого человека, добавил: - Я не стану держать пари. Быть может, вы и правы. Ваш отец тоже пользуется услугами Скривена? Жаль, что он ни разу не навестил меня... Может быть, мы присоединимся к дамам?

Неуверенной походкой и в полнейшей неуверенности насчет того, что думать, Боб последовал за хозяином в гостиную.

Чарлз Вентнор принадлежал к тем людям, которые никогда не выдают того, что творится у них на душе. Но в тот вечер было много событий, и после разговора с молодым Пиллином Чарлз Вентнор то и дело отворачивался и потирал руки.

Когда закончилась вторая встреча кредиторов со старым Хейторпом, Вентнор, спускаясь по лестнице в контору "Судовладельческой Компании", усиленно размышлял. Невысокого роста, коренастый и плотный, с большими рыжими бакенбардами и усами, красным лицом и в несколько кричащем костюме, он поражал с первого взгляда только истинно британской вульгарностью. Чувствовалось, что это шумный, грубоватый человек, который любит поесть, проводит летний отпуск в Скарборо, держит в черном теле супругу, совершает с дочкой лодочные прогулки и никогда не болеет.

Чувствовалось, что он исправно, каждое воскресенье ходит в церковь, почитает тех, кто выше его, презирает неудачников и распоясывается после второй рюмки. При более пристальном взгляде на его покрытое щедрой растительностью лицо и карие глаза с рыжими ресницами возникало ощущение: "Нет, этот не простак. Что-то в нем есть лисье". При следующем взгляде

напрашивалась мысль: "Порядочный, видно, наглец!"

Вентнор был не крупным кредитором старого Хейторпа. Учитывая проценты с первоначального вклада, он исчислял долг старика в сумме 300 фунтов - обесцененные акции шахты в Эквадоре. Он сам никак не мог понять, каким образом он соглашается ждать своих денег так долго - целых восемь лет. Конечно, для того, кто привык почитать важных персон, личность старого Хейторпа еще не утратила своего обаяния, он сохранял влияние в судовладельческих кругах и репутацию местного аристократа. Но за последний год Чарлз Вентнор понял, что звезда старика закатилась, а когда это случается, человек теряет обаяние, и настает пора выколачивать из него свои денежки. Чарлз Вентнор презирал слабости и в себе и в других. Кроме того, визит к старику дал ему достаточно пищи для размышлений; и вот сейчас, спускаясь по лестнице, он обдумывал случившееся. У Вентнора был прямо-таки собачий нюх на всякие закулисные делишки. От Боба Пиллина, на которого он имел виды, как на будущего мужа своей младшей дочери, он знал, что Пиллин и Хейторп вот уже лет тридцать считаются друзьями. Это неизбежно наводило пронизательного человека на предположение, что за продажей судов что-то кроется. Такая мысль уже приходила ему в голову, когда он читал отчет правления. Тут, конечно, не просто комиссионное вознаграждение: это означало бы злоупотребить доверием, но всегда можно найти способ обойти правила. Старику приходится чертовски туго, а люди, что ни говори, остаются людьми. Склонный к юридическим тонкостям ум Чарлза Вентнора привычно сопоставлял факты. Старик недаром назначил встречу с кредиторами сразу же после общего собрания, которое должно было одобрить покупку, и обещал, что попытается что-нибудь сделать для них. Разве это ни о чем не говорило?

Так что Чарлз Вентнор пришел на собрание с твердым решением глядеть во все глаза и не раскрывать рта. Он внимательно следил за происходящим. Любопытно: слабый, тучный старик, которого в любую минуту может хватить удар, заявляет, что он делает ставку на эту покупку, хотя он прекрасно знал, что если проиграет, то останется нищим. Почему ему так хотелось протолкнуть это дело? Ведь он-то от него никакой выгоды не имеет, если только... Ну, конечно же, Чарлз Вентнор уходил с собрания с убеждением, что старому Хейторпу кое-что перепало от этой сделки, и это позволит ему предложить кредиторам что-нибудь солидное. Но когда тот объявил, что не в состоянии намного увеличить отчисления, в душе у него поднялось раздражение, и он сказал себе: "Ну хорошо же, старый пройдоха! Ты еще не знаешь Чарлза Вентнора". Бесцеремонное обхождение, которое позволила себе эта старая развалина, вызывающий взгляд его голубых глаз обострили враждебность Чарлза Вентнора, который гордился тем, что никто не способен взять над ним верх. Вечером он сидел у камина, напротив миссис Вентнор и, слушая, как дочь выводила смычком серенаду Гуно, размышлял и иногда улыбался едва заметно. Он пока не знал, как будет действовать, но почти не сомневался, что скоро найдет способ. Теперь уже нетрудно скинуть этого деревянного идола с насиженного местечка. Среди акционеров были здоровые настроения: многие считали, что работа председателю не под силу и от него пора избавиться. Старик увидит, что не ему тягаться с Чарлзом Вентнором, что если уж он вцепится во что-нибудь зубами, то ни за что не выпустит. Так или иначе, он вынудит старика либо уйти из правления, либо вернуть ему долг, и тогда он оставит его в покое. Кошелек или жизнь - старику придется выбирать, что дороже. Вентнор не забыл вызывающего поведения председателя, и ему почти

хотелось, чтобы тот выбрал второе. Повернувшись к миссис Вентнор, он вдруг сказал:

- Устрой в пятницу небольшой обед, пригласи молодого Пиллина и помощника священника.

Чарлз Вентнор сознательно выбрал помощника священника - таким образом у каждой дамы оказывался кавалер (у него было две дочери), и тот был непьющий, так что его можно услать после обеда обсуждать с дамами приходские дела, а он сам спокойно посидит с Бобом Пиллином за рюмочкой вина. Он пока даже еще не знал, что собирается выудить у молодого человека.

В тот день, прежде чем отправиться в контору, Вентнор спустился в винный погреб. Трех бутылок "Перье Жуэ" хватит. Или стоит добавить бутылочку выдержанной мадеры? Он решил не рисковать. На него лично не подействует бутылочка-другая шампанского, но для молодого Пиллина этого может оказаться больше чем достаточно.

Мадера сделала свое дело: направила разговор в желанное русло, но очень скоро Вентнор прекратил его, опасаясь, что молодой Пиллин выпьет чересчур много или что-нибудь заподозрит. Когда гости ушли, а жена и дочери отправились спать, он задумчиво уставился на пламя камина, мучительно стараясь решить загадку. Итак, пять или шесть тысяч фунтов... Ну, конечно же! Шесть - как раз десять процентов от шестидесяти! Молодой Пиллин сказал, что у Скривена... Но ведь старый Хейторп пользуется услугами фирмы "Крау и Донкин", а не фирмы "Скривен и Коулз". Старик оформил это тайное комиссионное вознаграждение у юристов, которые не знали состояния его дел. Что это означает, как не желание замести следы? Но почему именно у юристов Пиллина? Они прекрасно знали о предполагаемой покупке и не могли не

заподозрить недоброе. Неужели он просчитался? Сам он на месте старика обратился бы к какой-нибудь лондонской фирме, которая не знает здешних людей. Он был сбит с толку и разочарован, да еще начала беспокоить печень - вечная история после выдержанной мадеры. И прежде чем уснуть, он разбудил жену, чтобы спросить, почему она не каждый день готовит такой отличный суп.

Назавтра он целый день ломал голову, но разгадка не давалась. Выискав какое-то дело, которое его фирма вела со Скривеном, он решил самолично отправиться туда в надежде разузнать что-нибудь еще. Зная по опыту, что наиболее щекотливые дела находятся в руках ответственных лиц, он попросил, чтобы его принял сам Скривен. И уже взяв шляпу и собираясь уходить, спросил как бы между прочим:

- Кстати, вы не ведете какие-нибудь дела старого Хейторпа?

- Нет, - приподняв брови, ответил Скривен таким тоном, к какому всегда прибегал сам Вентнор, когда хотел дать понять, что хотя он и не ведет дел, но скоро, вероятно, будет вести. Поэтому он понял, что собеседник говорит правду. Оказавшись в затруднительном положении, он все-таки рискнул заметить:

- Ах, вот как! А я полагал, что ведете - для миссис Ларн.

На этот раз ему, кажется, удалось расшевелить Скривена. Тот нахмурился и сказал:

- Миссис Ларн?.. Нам известно это имя, но в другой связи. А что такое?

- Пустяки. Молодой Пиллин сказал мне...

- Молодой Пиллин? Так это его... - Скривен на мгновение запнулся, потом докончил: - Насколько мне известно, мистер Хейторп пользуется услугами фирмы "Крау и Донкин".

Вентнор протянул руку.

- Совершенно верно. До свидания. Я рад, что мы уладили это дело, - проговорил он и быстро вышел. Он шагал по улице, улыбающийся, исполненный чувства собственного достоинства. Черт побери, он все понял! Скривен хотел было сказать: "Так это его отец!" Теперь никаких сомнений! Тонко они сработали, ох, тонко! Старый Пиллин сделал дарственную запись непосредственно на имя той особы; юристы ничего не знали, и потому за них он не беспокоился. Пиллин не передал старому Хейторпу ни пенса. Тонко, что и говорить! И все-таки недостаточно тонко для Чарлза Вентнора, у него просто чутье на такие вещи. Но тут же улыбка застыла у него на губах: ведь все это - чистейшие предположения, на них далеко не уедешь. Что же делать? Надо так или иначе повидать эту миссис Ларн или, еще лучше, старого Пиллина. Надо убедиться, связана ли она непосредственно с ним. Совершенно очевидно, что молодой Пиллин ничего об этом не знает: он говорил, что дарственная - дело рук старого Хейторпа. Клянусь, умен же этот старый хитрюга - тем большее удовольствие доказать, что он не так умен, как Чарлз Вентнор. Разоблачить старого мошенника уже казалось ему каким-то общественным долгом. Но под каким предлогом посетить Пиллина? Что если сделать вид, будто интересуешься подпиской на постройку дома призрения в Уиндитте? Старик наверняка разговорится, не следует только чересчур нажимать на него. И он приказал извозчику везти себя к дому Пиллина, в Сефтон-парк. Когда его провели в жарко натопленную, на американский манер, комнату на первом этаже, Вентнор расстегнул пальто. Человеку с его телосложением нелегко было переносить эту тепличную атмосферу. Сочувственно выслушав Джо Пиллина, который с явной неохотой отказал в просьбе ("Да, да, я понимаю вас. Нельзя до бесконечности

растягивать срок подписки - даже ради самого благого дела"), он сказал вкрадчиво:

- Между прочим, вы случайно не знакомы с миссис Ларн?

Впечатление, которое этот простой вопрос произвел на собеседника, превзошло все ожидания Вентнора. Джо Пиллин никогда не отличался хорошим цветом лица, но тут оно стало серым. Он раскрыл от изумления тонкогубый рот, потом быстро, точно птица клюв, захлопнул его, тонкая шея его напряжилась, словно он с трудом проглотил что-то застрявшее в горле. Впадины на щеках, которые появляются у людей во время нервного напряжения, обозначились еще больше. Он был бледен, как смерть. Облизав пересохшие губы, он с трудом произнес:

- Ларн... Ларн? Мне кажется, я не...

Мистер Вентнор сделал вид, будто старательно натягивает перчатки.

- Нет, я только думал... Ваш сын знаком с ней. Это родственница старого Хейторпа, - небрежно бросил он и посмотрел на Джо Пиллина.

Тот прижал ко рту платок и закашлялся, сначала негромко, потом сильнее и сильнее.

- Я так скверно себя чувствую, - едва выговорил он наконец, не отнимая ото рта платок. - Собираюсь за границу. Этот холод погубит меня. Как, вы сказали, ее зовут?

Вентнор повторил:

- Ларн. Пишет рассказы.

Джо Пиллин бормотал через платок:

- Гм! Нет, я не... У моего сына очень много знакомых. Попробую поехать в Ментону. Вы уже уходите? До свидания! Прошу простить... Кхе-кхе! Этот

кашель... кхе! Пугает меня, очень пугает! Кхе-кхе!

Усевшись в экипаж, Вентнор глотнул морозного воздуха. Сомнений больше не оставалось. Эти два имени подействовали, как заклинание. У этого дрожащего от страха субъекта можно добиться каких угодно показаний, он просто сдрейфит при разбирательстве. Какая противоположность старому грешнику Хейторпу! Тот не теряет наглости при любых обстоятельствах. Да, нешуточные вещи он узнал. Вопрос теперь в том, как наилучшим образом воспользоваться этими сведениями. А что, если миссис Ларн - всего лишь любовница старика Пиллина, или внебрачная дочь, или кое-что знает о нем и занимается вымогательством? Опыт подсказывал Вентнору, что любая из этих возможностей отнюдь не исключена, и тогда понятны и смятение старика и его нежелание признать, что знаком с ней, и полное неведение его сына. Непонятно только одно: молодой Пиллин сказал, что дарственную запись сделал старый Хейторп. Он мог узнать это единственно от самой миссис Ларн. Чтобы быть уверенным, ему, Чарлзу Вентнору, непременно надо добиться встречи с ней. Но как? Просить Боба, чтобы он познакомил его с ней? После разговора со старым Пиллином это невозможно. Придется полагаться только на себя и действовать наудачу. Так она писательница? Может быть, в газетах знают ее адрес. А нет ли его в адресной книге: имя-то необычное! И он по горячим следам помчался на почтамт. Так оно и есть, вот он, адрес: "Ларн, миссис Р. - 23, Миллисент-Виллас". "Более подходящего момента не выпадет", - подумал он и отправился по адресу. Задача была не из легких. Нужно было постараться не раскрыть преждевременно карты и сохранить за собой возможность в любой момент предать гласности то, что он узнал. И все же щекотливое дельце! Отныне каждый его шаг должен иметь соответствующее юридическое обоснование.

С какой стороны ни посмотреть, он имеет полное право расследовать это мошенничество, совершенное по отношению к нему как акционеру "Судовладельческой Компании" и кредитору старого Хейторпа. Справедливо! Да, но если предположить, что эта миссис Ларн и в самом деле связана со старым Пиллином, а дарственная запись - просто благотворительность? Что же, значит, не было закулисного комиссионного вознаграждения, ему нечего предавать гласности и он не станет предпринимать никаких дальнейших шагов. Так что в любом случае он прав. Остается только решить, как представиться ей. Он, конечно, может сказать, что он из газеты, им нужны рассказы. Нет, это опасно! Не следует выдавать себя не за того, кто ты есть на самом деле. Ведь если ему придется впоследствии публично объяснить свои поступки - а это всегда нелегко, - надо быть крайне осторожным. И тут ему вспомнилось, что вчера вечером Боб Пиллин спросил: "Кстати, под дарственную, кажется, нельзя занимать? Есть на этот счет какое-нибудь общее положение?" По-видимому, эта женщина пыталась взять у него деньги в долг, предложив в качестве обеспечения дарственную запись. В этот момент Вентнор подъехал к дому 23 и вышел из экипажа, не зная пока, как ему нажать тайные пружины. Природная и профессиональная дерзость помогли ему. Он подошел и спросил у горничной:

- Миссис Ларн дома? Скажите, что ее хочет видеть мистер Чарлз Вентнор.

Быстрым взглядом карих глаз он оглядел убранство коридора, который одновременно служил холлом: синие обои на стенах, на дверях - портьеры с узорами в виде цветов сирени, известный эстамп с изображением обнаженной молодой женщины, смотрящей через плечо. Он подумал: "Гм! Во всем заметен вкус!". Он увидел маленькую собачонку с коричневой в белых пятнах шерстью, которая забилась в угол, и приветливо позвал: "Пушок, Пушок! Поди сюда!", но

Кармен дрожала от страха и не двигалась с места.

- Войдите, сэр.

Вентнор огладил бакенбарды и, входя, был сразу же поражен каким-то особенно домашним уютом комнаты. На диване у швейной машины, на которой была разложена белая ткань, сидели красивая женщина и хорошенькая девушка.

Девушка только посмотрела на него, а дама поднялась навстречу.

Вентнор без церемоний начал:

- Вы, кажется, знакомы с моим юным другом, мистером Робертом Пиллином?

Пышные формы хозяйки привели Вентнора в полнейший восторг. Она отвечала приятным грудным голосом, чуть растягивая слова:

- О, да! Вы не от мистера Скривена?

У Вентнора промелькнула мысль: "Так я и думал!"

- Э-э... Не совсем. Хотя я тоже стряпчий. Мне хотелось бы уточнить кое-что насчет дарственной записи на ваше имя. Мистер Пиллин сказал мне...

- Филлис, дорогая!

Видя, что девушка отложила материю и собирается встать, Вентнор быстро сказал:

- Не беспокойтесь, прошу вас. Просто маленькая формальность. - Его удивило, что дама так свободно говорит в присутствии третьего лица, своей дочери. Он продолжал: - Полагаю, запись сделана совсем недавно. И это будет ваше первое получение такого рода - на сумму шесть тысяч фунтов? Так?

Звучный, очаровательный голос с готовностью подтвердил это обстоятельство, и он подумал: "Восхитительная женщина! Какие глаза!"

- Благодарю вас. Этого достаточно. Подробности я могу разузнать у Скривена. Приятный молодой человек - Боб Пиллин, как вы считаете?

Он заметил, что девушка опустила голову, а на губах у миссис Ларн заиграла улыбка.

- Да, интересный юноша. Мы очень дружны с ним.

Вентнор продолжал:

- Я довольно давно с ним знаком. А вы?

- Нет, не очень. Филлис, когда мы познакомились с ним у опекуна? Около месяца назад. Но он такой простой, чувствует себя у нас, как дома. Милый, очень милый.

Вентнор поинтересовался:

- Он, кажется, не похож на своего отца?

- Правда? С отцом мы не знакомы. Он, насколько я знаю, судовладелец.

Вентнор потер руки.

- Да-а... - протянул он. - Хочет уехать: не любит холода. Молодой

Пиллин - счастливчик. Единственный сын. Значит, вы познакомились с ним у старого Хейторпа? Я тоже его знаю. Наверное, ваш родственник?

- Он наш опекун. Милейший человек.

- Весьма, весьма, - откликнулся Вентнор. - Настоящий римлянин.

- Он такой добрый! - Миссис Ларн дотронулась до материи. - Посмотрите, что он подарил этой несносной девчонке.

- Очаровательно, очаровательно! - восторгался Вентнор. - Надеюсь, Боб

Пиллин сообщил вам, что дарственную сделал мистер Хейторп.

В глазах у миссис Ларн на какое-то мгновение мелькнуло небольшое облачко, туманящее иногда лица женщин, которые в свое время не знали нужды.

Глаза ее, казалось, говорили: "Не слишком ли много вы хотите знать?" Потом облачко пропало.

- Может быть, вы присядете? И простите нас: мы тут занялись работой.

Вентнор покачал головой: ему нужно было немедленно разобраться в массе новых впечатлений.

- Благодарю вас! Я очень спешу. Значит, мистер Скривен может... Пустая формальность, понимаете? До свидания. До свидания, мисс Ларн. Я убежден, что платье очень пойдет к вам.

Девушка как-то пристально посмотрела на Вентнора, а ее мать крепко пожала ему руку; он попятился к выходу, и, едва вышел за дверь, как одновременно раздались два восклицания:

- Какой симпатичный этот адвокат!

- Какой ужасный человек!

В экипаже он снова потерял руки. Итак, она незнакома со старым Пиллином! Это было видно по ее лицу, не только по тому, что она сказала. Но она хочет познакомиться с ним или хотя бы разузнать о нем побольше. Намерена подцепить Боба для своей девчушки - это ясно, как божий день! Гм, юный друг весьма удивится, когда узнает о его визите. Пусть себе знает! Самые разные чувства охватили Вентнора. Теперь он отчетливо видел все обстоятельства сделки и не мог не отдать должное хитрости старого Хейторпа. Как ловко он обошел закон! Никто не может запретить человеку переписать какую-то сумму на имя женщины, которую он в жизни не видел, так что под дарственную Пиллина не подкопаешься. А вот под старого Хейторпа подкопаться можно. Но чистая, однако, работа - почти не придерешься! А какая восхитительная женщина! Просто удивительно! Вентнор даже пожалел, что дарственная оформлена по всем правилам - если бы она была под угрозой, можно было бы договориться с этой очаровательной женщиной. Он был убежден, что с ней можно было бы

договориться. Какие глаза! Жаль, но ничего не поделаешь! Миссис Вентнор была не той женой, которая отвечает всем требованиям. Но, увы, дарственная была в полнейшей безопасности, и вождлениям мистера Вентнора не суждено было осуществиться. Это пробудило в его душе взрыв благородного негодования. Старик еще почувствует его коготки! Неплохо он распутал этот клубок. Совсем неплохо. Конечно, ему повезло. Нет, даже не это! Просто он делал в нужные моменты то, что нужно было делать, - отличительная черта делового таланта.

В поезде, который вез его к миссис Вентнор, он снова подумал: "Такая женщина была бы..." - и глубоко вздохнул.

2

На другой день после визита мистера Вентнора Боб Пиллин явился в дом 23 на Миллисент-Виллас; в кармане у него лежал аккуратно выписанный чек на пятьдесят фунтов. Рыцарские чувства взяли верх. Он позвонил у двери с таким воодушевлением, что сам подивился: он знал, что поддается непростительной слабости.

- Миссис Ларн ушла, сэр. Мисс Филлис дома.

Сердце его бешено заколотилось.

- Какая жалость! Спросите, примет ли меня мисс Филлис.

- Она кажется, мыла голову, сэр, - ответила молоденькая горничная. - Но волосы, наверно, уже высохли. Я узнаю.

Боб Пиллин застыл, как вкопанный, под тем самым эстампом, на котором

была изображена молодая женщина. У него перехватило дыхание. Чертовски обидно, если волосы у нее не высохли! Тут он внезапно услышал восклицания и разговор, но не мог разобрать слов. Вбежала молоденькая горничная.

- Подождите минутку, сэ, мисс Филлис сейчас выйдет. И мне велено сказать вам, что мистер Джок словно с цепи сорвался.

- Спаси-ибо! - протянул Боб Пиллин и прошел в гостиную. Там он подошел к бюро, взял конверт, положил туда чек и, надписав: "Миссис Ларн", - положил его в карман. Потом он поглядел на себя в зеркало. Никогда в жизни, вплоть до минувшего месяца, он не жаловался на собственную внешность, но теперь видел, чего не хватало его лицу. Оно слишком полное и розовое. На нем не написана страсть. Это серьезный недостаток. Он попытался восполнить его узеньким белоснежным кантом на вырезе жилета и туберозой в петлице. Но как он ни старался, он постоянно испытывал какую-то неловкость и не мог научиться непринужденно держаться в присутствии Филлис. А ведь до последнего времени он отнюдь не страдал недостатком самоуверенности.

- А-а, любуетесь собой? - произнес сзади звонкий и насмешливый голос.

Быстро обернувшись, он увидел в дверях Филлис. Ее каштановые волосы пышными прядями падали на плечи. Он почувствовал какую-то томительную слабость и нечленораздельно пробормотал:

- Ох, это очень красиво!

- Что вы, ужасно неприлично! Вы хотели повидать маму?

Разрываясь между страхом и дерзостью, опьяненный запахом свежего сена, вербены и ромашки, Боб Пиллин пролепетал:

- Да... Но я рад, что ее нет дома.

Смех девушки показался ему до крайности бесчувственным.

- Не говорите глупостей! Садитесь. Неприятно мыть голову, правда?

Боб Пиллин ответил едва слышно:

- У меня мало опыта в таких вещах.

Глаза ее широко раскрылись.

- Мало опыта? Как же это может быть?

Он судорожно размышлял: "А что, если... Может быть, нужно взять ее за руку или обнять?" А вместо этого сидел с негнущейся спиной на краешке дивана. Она удобно расположилась на другом краю. На Боба Пиллина словно нашел столбняк, который иногда находит на влюбленных.

Эти дни он не раз вспоминал прошлые увлечения, когда он беззаботно болтал и даже целовался, когда девицы казались ему лишь приятной забавой, вспоминал и думал: "Так ли уж она наивна? Может быть, она хочет, чтобы я поцеловал ее?" Увы, то были минутные колебания перед очередным порывом благоговения и рыцарских чувств, и он снова подпадал под власть непонятной роковой чувствительности - такого ему еще не доводилось переживать. Филлис неожиданно спросила:

- Зачем вы знаете с такими противными людьми?

- С какими противными людьми? Ни с кем я не знаюсь.

- Нет, знаете. Один вчера даже приходил сюда. Такой, с бакенбардами - неприятная личность.

- С бакенбардами? - Боб Пиллин возмутился до глубины души. - Мне кажется, я знаю только одного человека с бакенбардами, стряпчего.

- Вот-вот, это он. До чего противный! Маме он даже как будто понравился. А по-моему, нахал!

- Вентнор! Зачем он приходил? Не может быть!

- Нет, может! По какому-то вашему делу. - Личико ее затуманилось.

Последние дни Боб Пиллин вконец измучился, сочиняя поэму. Начинаясь эта мертворожденная поэма так:

Верхом я ехал на коне,

Вдруг вижу: дева на пороге.

Дальше никак не клеилось. Этот шедевр возник, когда Боб открыл, что лицо Филлис - как апрельское утро. И то облачко, что набежало сейчас на ее лицо, было апрельское облачко, из которого вот-вот брызнет слепой дождик. Отмахнувшись от назойливо звучащих в ушах строчек, он заговорил:

- Послушайте, мисс Ларн. Филлис, послушайте же!

- Я слушаю!

- Что все это значит, зачем он приходил? Чего он хотел?

Она помотала головой, волосы ее разлетелись, и он снова услышал запах ромашки, вербены и свежего сена. Опустив голову, она прошептала:

- Мне очень не хочется, чтобы вы... мне очень не хочется, чтобы мама...

Эти деньги - как я их ненавижу! - Она всхлипнула, и у Боба Пиллина начали медленно краснеть уши.

- Послушайте, не надо... И скажите мне все, потому что...

- Вы и сами знаете.

- Да нет же, я ничего не знаю!

Филлис посмотрела ему в лицо.

- Зачем вы обманываете меня? Вы же знаете, что мама хочет одолжить у вас денег, и мне стыдно!

Желание прибегнуть к спасительной лжи, хотя в кармане похрустывал конверт с чеком, возмущение несправедливостью, жалость, недоумение и раздражение по поводу визита и намерений Вентнора - все смешалось в душе Боба Пиллина, и он пробормотал:

- Черт меня побери! - И, не заметив взгляда, что бросила на него Филлис из-под полуопущенных ресниц, словно говоря: "Так-то лучше!", повторил: - Черт меня побери! Послушайте, Филлис, вы говорите, что Вентнор приходил по поводу тех денег, что я хотел одолжить?.. Но я и словом ему не обмолвился.

- Ну вот видите! Значит, вы все-таки хотите дать в долг.

Он схватился за голову.

- Ой, какой вы смешной сейчас! Я ни разу не видела вас растрепанным.

Боб Пиллин поднялся и стал мерить шагами комнату. Даже охваченный крайним волнением, он не удержался, украдкой посмотрел на себя в зеркало и, делая вид, будто схватился за голову, отчаянно пытался поправить прическу. Потом, остановившись, заявил:

- Допустим, я и в самом деле хотел одолжить вашей матери деньги. Что тут такого? Ведь это только на небольшой срок. Всякому могут понадобиться деньги.

Филлис сказала, не поднимая глаз:

- А почему вы это делаете?

- Потому что... потому что... А почему бы и нет? - и кинувшись вдруг к девушке, схватил ее за руки.

Она вырвалась; в полнейшем отчаянии Боб Пиллин вытащил конверт.

- Если хотите, я могу порвать это. Я не стану давать их в долг, если вы против. Но я думаю... я полагал...

Филлис откинула голову.

- Вот именно! Вы думали, что я... Вот это и противно!

Наконец он все понял.

- Да нет же! Клянусь, я и не думал...

- Нет, думали! Вы думали, что это я хочу, чтобы вы одолжили деньги.

Она соскочила с дивана и подбежала к окну.

Значит, она решила, что ее используют как приманку! Как некрасиво - вдвойне некрасиво, потому что правда. Он прекрасно знал, что миссис Ларн стремилась извлечь все, что могла, из его поклонения ее дочери, но сказал пылко:

- Какая ерунда!

Филлис молчала. Тогда, лихорадочно соображая, что же делать, он воскликнул:

- Филлис, если вы не хотите... Смотрите! - Девушка обернулась Боб разорвал конверт пополам и клочки бросил в камин. - Ну, вот!..

Она легонько охнула, глаза ее округлились. В порыве честности он признался:

- Это не деньги - чек! Добились своего.

Отвернувшись к огню, она медленно произнесла:

- Вам лучше уйти, пока не пришла мама.

У Боба Пиллина отвисла челюсть. Втайне он был согласен с Филлис, но пожертвовать хотя бы минуткой наедине с ней - невыносимо, и он сказал решительно:

- Нет, я останусь!

Филлис чихнула.

- У меня не совсем просохли волосы. - Она присела на каминную решетку спиной к огню.

Лицо Боба Пиллина приняло одухотворенное выражение. Если бы только он решился сказать: "Филлис, радость моя!" или даже "Филлис, не согласились бы вы... позвольте мне..." Но он не мог выжать из себя ни слова.

- Не сопите, пожалуйста! - неожиданно сказала она. - Это ужасно.

- Я не сопел, это неправда!

- Нет, сопели, как моя Кармен, когда спит.

Он пошел было к двери, сделал три шага и остановился: "Какое это имеет значение! От нее я и не такое снесу". И сделал три шага назад.

- Бедняжка! - проворковала она.

- Надеюсь, вы догадываетесь, что видите меня, вероятно, в последний раз? - спросил он мрачно.

- Как же так? Вы же обещали пригласить нас в театр.

- Я не уверен, что ваша мама согласится... После всего.

Филлис рассмеялась от души.

- Вы не знаете маму. Ей все равно.

Боб Пиллин пробормотал:

- Понимаю. - Он ничего не понимал, но это не имело ни малейшего значения. И снова мысль о Вентноре вытеснила все остальные. Какого черта?! Как это получилось? Он мучительно вспоминал, что он мог сболтнуть тогда вечером. Он наверняка ни о чем не просил его и не давал адреса. Очень странная история, надо хорошенько разобраться.

- Вы уверены, что его имя Вентнор? Того типа, что приходил вчера?

Филлис кивнула.

- Невысокий такой, с бачками?

- Рыжие бачки и рыжие ресницы.

- Очевидно, он самый, - задумчиво протянул Боб Пиллин, - Порядочный нахал. Ума не приложу... Надо съездить к нему. А где он узнал ваш адрес?

- Я думала, вы дали.

- Ничего подобного! За кого вы меня принимаете?

Филлис вскочила.

- А вот и мама!

По саду шла миссис Ларн. Боб Пиллин кинулся к двери.

- До свидания, я ухожу.

Но миссис Ларн была уже в холле. Она возникла перед ним, разодетая в меха, во всем своем великолепии, и увлекла его в гостиную; французское окно было распахнуто - Филлис исчезла.

- Надеюсь, эти несносные дети не слишком докучали вам. Вчера приходил ваш юрист - милейший человек. Он был, кажется, вполне удовлетворен.

Боб Пиллин пробормотал, краснея до корней волос:

- Я не просил его приходить. Это не мой юрист. Я не знаю, чего он хотел.

Миссис Ларн улыбнулась.

- Не расстраивайтесь, мой дорогой. И не нужно быть щепетильным. Я хочу, чтобы все было на сугубо деловой основе.

Бобу Пиллину очень хотелось крикнуть: "Ни на какой основе этого не будет!" - но он сдержался и пробормотал:

- Мне пора идти, я опаздываю,

- А когда сможете...

- Я... Я пришлю... Я напишу... До свидания!

Но миссис Ларн крепко держала Боба Пиллина за лацкан, обдав его запахом меха и фиалок. У молодого человека мелькнула мысль: "Наверно, и от библейского Иосифа та женщина хотела только денег". Не оставлять же пиджак у нее в руках! Что делать? Миссис Ларн проворковала:

- Было бы крайне любезно с вашей стороны, если бы вы могли устроить это сегодня. - Ее рука скользнула у него по груди. - О, вы все-таки захватили чековую книжку. Какой милый!

В отчаянии Боб Пиллин вытащил книжку и, присев к бюро, заполнил такой же чек, какой он разорвал и бросил в огонь. Потом он почувствовал на лбу горячий поцелуй, голову его на мгновение прижали к меху жакетки, рука взяла чек, голос сказал: "Очаровательно!", - послышался вздох, и его снова обдало запахом духов. Пятась к двери, он бормотал:

- Хорошо, хорошо... Пожалуйста, не говорите только Филлис. До свидания!

Выйдя за калитку, он подумал: "Черт побери! Не устоял я. И Филлис обо всем знает. Ах, эта собака Вентнор!"

Лицо его помрачнело. Он немедленно отправится к нему и потребует объяснений.

3

Вентнор был еще у себя в кабинете, когда ему принесли визитную карточку его юного друга. На мгновение у него появилось искушение сказать, что его

нет. Но он тут же решил: "Какая разница? Все равно когда-нибудь придется встретиться!"

Мистеру Вентнору, может быть, и недоставало мужества, но зато он обладал той особой самоуверенностью и невосприимчивостью, что по необходимости отличают служителей закона; кроме того, он ни на секунду не забывал, что правда на его стороне.

- Просите, - сказал он.

Он решил быть вполне обходительным, хотя молодой Пиллин может потребовать объяснений. Мистер Вентнор не забыл тех пышных форм и красивых губ и все еще лелеял надежду на более близкое знакомство.

Пожимая молодому человеку руку, он сразу же заметил своим рыжим глазом, что тот встревожен, хотя и прикрывает это внешним спокойствием и самоуверенностью. Опустившись во вращающееся кресло, которое давало явное преимущество перед неподвижно сидевшими собеседниками, Вентнор сказал:

- Вы отлично выглядите. Чем могу служить?

Боб Пиллин сидел на жестком стуле, предназначенном для клиентов, и теребил котелок на коленях.

- Я только что от миссис Ларн.

Вентнор спокойно смотрел на него.

- А-а! Великолепная женщина, и дочка хороша!

О дочке он упомянул с умыслом, так как предпочитал нападать первым. Боб Пиллин чувствовал, как у него закипает кровь.

- Послушайте, Вентнор, я хочу, чтобы вы объяснили свое поведение.

- Что вы имеете в виду?

- Зачем вы ходили туда, ссылались на меня и прочее...

Вентнор дважды качнул кресло.

- Я не собираюсь ничего вам объяснять.

Не ожидая такого оборота, Боб Пиллин замолк, потом решительно произнес:

- Это недостойно джентльмена!

У каждого есть свои иллюзии, и никто не хочет расставаться с ними.

Рыжеватое лицо Вентнора побагровело, даже белки глаз налились кровью.

- Вот как? Не суйте нос в чужие дела.

- Но это прямо касается меня. Вы прикрываетесь моим именем, и я не желаю...

- А мне наплевать! Послушайте, что я вам скажу... - Мистер Вентнор наклонился вперед. - Попридержите-ка лучше язык, не выводите меня из себя. У меня добродушный характер, но я не потерплю дерзости.

Единственно догадка, что за словами Вентнора что-то кроется, удержала Боба Пиллина на месте.

- И вы еще говорите о дерзости? - горячился он, сжимая котелок. - После всего, что натворили? Это переходит всякие границы.

- Вот как? Вы еще не то увидите.

Боба Пиллина сбивали с толку загадочные намеки собеседника.

- Я не сообщал вам их адреса. Мы же говорили только о старом Хейторпе.

У Вентнора между бакенбардами зазмеилась усмешка. Боб Пиллин вскочил на ноги и закричал:

- Вы так просто не отделаетесь! Я настаиваю на объяснении!

Вентнор откинулся на спинку кресла, скрестил короткие йоги и соединил на животе кончики пухлых пальцев - в такой позе он чувствовал себя особенно уверенным.

- Настаиваете?

- Да, настаиваю! Должна же быть какая-то причина...

Вентнор посмотрел на него в упор.

- Хотите я вам дам совет, петух вы несчастный? Причем бесплатно. Не задавайте вопросов, если не хотите, чтобы вам говорили неправду. И еще один совет: уходите, а то опять забудетесь!

Флегматичность, свойственная лицу Боба Пиллина, едва устояла перед этой тирадой. Он сказал хрипло:

- Если вы еще раз поедете туда и будете ссылаться на меня...

Поблагодарите господу, что ваш возраст не позволяет мне... Считайте, что мы незнакомы. Прощайте! - Он пошел к двери.

Вентнор вскочил.

- Отлично! - бросил он громко вслед. - Скатертью дорога. Вы скоро узнаете, где собака зарыта.

Боб Пиллин вышел, а Вентнор стоял покрасневший, раздраженный, смутно чувствуя, что он говорил что-то не то. С уходом молодого Пиллина рушились его любовные намерения. Он не мечтал больше о миссис Ларн - теперь, как мужчина и истинный англичанин, он думал только о том, как бы вернуть пошатнувшееся чувство собственного достоинства и наказать злоумышленников. "Это недостойно джентльмена!" Неслыханная дерзость - сказать такое о нем, который был джентльменом не только по рождению, но и в соответствии с Актом парламента! И Чарлз Вентнор дал себе торжественную клятву отомстить за оскорбление. Это его долг, и он исполнит его, черт побери!

ГЛАВА IV

Сильванес Хейторп редко ложился раньше часа ночи, а поднимался не раньше одиннадцати. И если его камердинер не отказывался от места, то именно благодаря второй привычке хозяина, тогда как первая почти каждую ночь толкала его на это.

Откинувшись на подушки, свежесбрившийся, в темно-красном халате, он напоминал римлянина более чем когда бы то ни было, исключая разве те минуты, когда лежал в ванне. Покончив с кофе, он обычно читал письма и газету "Морнинг пост", потому что всегда был тори, но платить полпенни за газетные новости считал непозволительной роскошью. Писем бывало не так уж много - когда человек дожил до восьмидесяти лет, кто станет писать ему, кроме просителей и кредиторов?

Был Валентинов день. Из окна спальни Хейторп мог видеть деревья в парке; на них распевали птицы, но он не слышал их. Природа никогда не интересовала его: ею редко интересуются полнокровные мужчины с короткой шеей.

Этим утром пришло два письма; одно благоухало, и он начал с него. Внутри лежала поздравительная открытка вроде рождественской, но на ней голый младенец держал в руках лук и стрелы, а изо рта у него летели слова: "Хочу

быть твоей возлюбленной". Кроме того, в конверте лежала розовая записочка с голубой незабудкой. Он прочел:

"Дорогой опекун! Простите за такую гадкую открытку, но сама я не могла выйти и купить другую, потому что жутко простудилась. Я попросила Джока - и вот что принес этот поросенок! Атлас просто великолепен! Приходите скорей взглянуть на меня в новом платье, а не то я явлюсь к вам сама. Моя верхняя губа от простуды страшно распухла, и я жалею, что у меня не растут усы, чтобы ее прикрыть, но зато до чего же приятно завтракать в постели! Мистер Пиллин послезавтра обещает сводить нас в театр. То-то повеселимся! Сейчас буду лечиться - выпью рома с медом.

До свидания.

Ваша Филлис".

Значит, "валентинка", дрожавшая в его пальцах, так онемевших, что он и не ощущал ее, предназначалась ему! Сорок лет назад он получил последнюю от бабушки этого юного существа. До чего же он, оказывается, стар! Сорок лет! Неужели то был он? Неужели это он приехал сюда юношей в сорок пятом году? И следа не осталось от мыслей и чувств того времени. Говорят, тело человека каждые семь лет меняется. Вероятно, и ум вместе с ним. Во всяком случае, теперь-то он дожил до последнего изменения своего тела! А "святоша" требует, чтобы он повез это тело в Бат, и лицо у нее при этом вытягивается, оно такое длинное, как чайный поднос, а доктор городит ему всякий вздор: "Слишком полнокровны... живите спокойнее... ни капли спиртного - в любую ночь можете умереть от удара". Умереть - нет, только не он! Впрочем, лучше уж умереть,

чем стать трезвенником! Когда у человека только и осталось в жизни, что его обед, его бутылка, его сигара и те мечты, что они дарят ему, - доктора непременно норовят отнять все это. Нет уж! Carpe diem {Лови часы (лат.)}. Пока жив, пользуйся жизнью! И теперь, когда он сделал все, что мог, для обеспечения этих ребятишек, его жизнь принадлежит ему одному; и лучше сразу протянуть ноги, чем перестать наслаждаться тем, что еще осталось, или не быть уже в силах сказать: "Я буду делать то-то и то-то, и мне наплевать на вас!" Не теряй мужества, пока не все потеряно, а там - уходи с чистой совестью!

Он позвонил два раза - Молли, а не Меллеру. Горничная вошла и остановилась - хорошенькая, в передничке из набивного ситца, пышные темные волосы выбивались из-под чепчика. Он молча смотрел на нее.

- Да, сэр?

- Хотел поглядеть на тебя, вот и все.

- Ой, а я не прибрана, сэр.

- Неважно. Получила "валентинку"?

- Нет, сэр. Да и кто ж мне ее пришлет?

- Разве у тебя нет ухажера?

- Есть вообще-то. Только он там, в нашей деревне.

- А эта тебе нравится?

Он протянул ей открытку с младенцем. Горничная взяла ее и с благоговением рассмотрела; потом прикинулась равнодушной, сказала:

- Да, красивенькая.

- Хочешь взять ее себе?

- Ой, если только она вам не нужна!

Старый Хейторп качнул головой и указал на туалетный стол.

- Там вон лежит соверен. Маленький подарочек для славной девочки.

Она глубоко вздохнула.

- Ох, сэр, больно уж много, прямо по-царски.

- Бери.

Она взяла монету и подошла опять, сжимая руки с открыткой и совереном так, словно молилась. Старик с удовольствием смотрел на нее.

- Люблю хорошенькие личики и терпеть не могу кислых рож! Скажи Меллеру, чтоб приготовил мне ванну.

Когда она вышла, он взял другое письмо - адрес был написан почерком юриста - и, с трудом распечатав, прочел:

"13 февраля 1905 г.

Сэр!

Мне стали известны некоторые факты, и я считаю своим долгом созвать специальное собрание акционеров "Британской судовладельческой Компании" для выяснения обстоятельств, связанных с приобретением судов у мистера Джозефа Пиллина. Предупреждаю вас, что на этом собрании будет поставлен вопрос о вашем поведении.

Остаюсь, сэр,

преданный вам

Чарлз Вентнор.

Сильванесу Хейторпу, эсквайру".

Прочтя это письмо, старый Хейторп несколько минут не шевелился. Вентнор, этот стряпчий, который так вызывающе вел себя на собрании кредиторов!

Есть люди, которых плохие новости мгновенно лишают всякой энергии и ясности мыслей. И есть другие, которые сначала просто не воспринимают их. До старого Хейторпа все дошло достаточно быстро; хуже этой угрозы, исходящей от юриста, и быть не могло! Но сразу старый мозг его лихорадочно заработал со всей расчетливостью стоика. Что в действительности известно этому субъекту? И что именно он может предпринять? Одно было ясно: если даже он знает все, не в его власти расторгнуть дарственную. О детях беспокоиться нечего. Старик понимал, что на карту поставлено только его положение. Но, по правде говоря, и этого достаточно; имя, известное всем целых полвека, состояние, независимость, а может, и еще кое-что большее. В его годы и при его слабости немного потребуется, чтобы все компании, в которых он состоит членом правления, выбросили его. Но что известно этому субъекту? На что решиться? Предоставить ему действовать - пусть из кожи лезет! - или попробовать войти с ним в переговоры? И ради чего Вентнор старается? У него всего десять акций! Стоило ли поднимать такую кутерьму из-за покупки судов, тем более, что для компании это первоклассная сделка. Да! Совесть его чиста. Он не предал своей Компании, наоборот, оказал ей отличную услугу, добыл по дешевке четыре исправных судна, и то после сильного сопротивления. То, что он мог оказать Компании услугу еще большую и купить суда всего за 54 тысячи, ничуть его не смущало: шесть тысяч пойдут на другое дело, более путное, а сам он

при этом не прикарманил ни гроша! Но какое побуждение у этого адвоката? Злоба? Похоже на то. Он зол, потому что ему не удастся разбогатеть, и вот теперь бросает ему вызов. Хм! Если это так, то, может, еще удастся вывернуться. На глаза ему случайно попала розовая записочка с голубой незабудкой. Казалось, это все, что осталось ему от жизни, а письмо в другой руке... боже мой, можно ли пасть ниже? С глубоким, прерывистым вздохом он подумал: "Нет, не сдамся я этому типу".

- Ванна готова, сэр.

Сняв и сунув оба письма в карман халата, он сказал:

- Помогите мне подняться и позвоните мистеру Фарни, попросите его заглянуть ко мне...

Через час, когда явился секретарь, его председатель сидел у камина, внимательно просматривая бумаги Компании. И пока секретарь ждал, чтоб его заметили, и смотрел, как дрожат листы в слабой пухлой руке, на него вдруг нашло философское настроение, которое не часто посещает людей его склада. Кто-то сказал, что человек только тогда и бывает счастлив, когда его не одолевают страсти, не на что надеяться и не для чего жить. Но удалось ли кому-нибудь достичь этого? У старого председателя, например, до сих пор осталась страсть добиваться своего, он до сих пор сохранил свой престиж и чрезвычайно дорожил им. И секретарь сказал:

- Доброе утро, сэр. Надеюсь, этот восточный ветер не повредил вам? С покупкой судов все закончено.

- Это лучшее, что когда-либо сделала Компания. Слыхали вы об акционере по фамилии Вентнор? Вы знаете его, я думаю.

- Нет, сэр. Не знаю.

- Ладно! Может быть, вы получите письмо, которое откроет вам глаза.
Бесстыжий мерзавец! Пишите, я продиктую.

"14 февраля 1905 г.

Чарлзу Вентнору, эсквайру.

Сэр,

я получил ваше письмо от вчерашнего числа, содержание которого мне непонятно. Мои стряпчие получают указания принять необходимые меры".

"Фью! Что все это значит?" - подумал секретарь.

- "Искренне ваш..." Давайте подпишусь.

И на лист легли дрожащие буквы: "Сильванес Хейторп".

- Отправьте это письмо, когда уйдете.

- Что-нибудь еще, сэр?

- Нет. Но дайте мне знать, если узнаете что-либо об этом типе.

Когда секретарь вышел, старик подумал: "Так! Этот мерзавец еще не созвал собрания. Если ему нужны деньги, он живо прибежит сюда, подлый шантажист!"

- Мистер Пиллин, сэр. Подождете с завтраком или накрыть в столовой?

- В столовой.

При виде этого живого мертвеца старый Хейторп даже пожалел его. Джо и так выглядит скверно, а эти новости совсем его доконают. Джо Пиллин взглядом проверил, закрыты ли обе двери.

- Как чувствуешь себя, Сильванес? Я - ужасно. - Он подошел ближе и зашептал: - И зачем ты заставил меня подписать эту дарственную? Я, видно, с ума сошел. У меня был какой-то Вентнор. Не понравился он мне. Спрашивал, знаю ли я миссис Ларн.

- Ха! А ты что?

- Что я мог сказать? Я же и вправду ее не знаю. Но зачем он узнавал?

- Пронюхал что-то.

Джо Пиллин обеими руками ухватился за край стола.

- Ох! - пробормотал он. - Ох! Не может быть!

Старый Хейторп протянул ему смятое письмо. Прочтя его, Джо Пиллин свалился в кресло у камина.

- Возьми себя в руки, Джо. Тебя они не тронут и не смогут ни расторгнуть сделку, ни отменить дарственную. Они могут свалить меня, вот и все.

Губы Джо Пиллина задрожали.

- Как ты можешь сидеть здесь как ни в чем не бывало? Ты уверен, что меня не тронут?

Старый Хейторп угрюмо кивнул.

- Они сошлутся на Акт, но он еще не вошел в силу. Они могут обвинить меня в злоупотреблении доверием. Но я обведу их вокруг пальца. Не вешай носа, уезжай за границу.

- Да, да. Конечно. Я очень плох. Я думал ехать завтра. Но не знаю, как быть, - из-за того, что это висит надо мной. И еще хуже, что мой сын знаком с ней. Он и Вентнора знает. А я просто не смею сказать Бобу правду. О чем ты думаешь, Сильванес? Ты на себя не похож.

Старый Хейторп будто вышел из оцепенения.

- Есть хочу, - сказал он. - Оставайся, позавтракаем вместе.

- Завтракать! Да у меня кусок в рот не идет. Что же ты думаешь делать,

Сильванес?

- Надую подлеца.

- А если не сможешь?

- Куплю его. Он ведь тоже мой кредитор.

Джо Пиллин снова поглядел на него.

- Ты всегда был таким энергичным и храбрым, - сказал он с тоской. -

Скажи, тебе не случалось просыпаться ночью между двумя и четырьмя? Я просыпаюсь, и все кругом черным-черно.

- А ты хлебни чего-нибудь покрепче на ночь, мой мальчик.

- Надо бы. Иногда и самому противно быть таким трезвенником. Но я не выношу алкоголя. Говорят, твой доктор запретил тебе пить?

- Вот именно. Оттого я и пью.

Задумчиво глядя в огонь, Джо Пиллин сказал:

- Это собрание... как ты думаешь, оно состоится? Неужто этот человек в самом деле все знает? Если мое имя попадет в газеты...

Но, встретившись с маленькими, глубоко посаженными глазками старого друга, Джо умолк.

- Так ты советуешь мне ехать завтра?

Старый Хейторп кивнул.

- Завтрак подан, сэр.

Джо Пиллин сильно вздрогнул и встал.

- Ну, до свидания, Сильванес, до свидания! Вряд ли вернусь до лета,

если вообще вернусь. - Он понизил голос: - Я полагаюсь на тебя. Ты удержишь их, да?

Старый Хейторп приподнял руку, и Джо Пиллин вложил в эту отечную, дрожащую лапу свои длинные бледные пальцы.

- Мне бы твое мужество, - сказал он уныло. - До свидания, Сильванес. - И, повернувшись, вышел из комнаты.

А старый Хейторп подумал: "Слабонервный он, бедняга! Разлетелся вдребезги при первом же ударе!" И за завтраком ел еще больше, чем обычно.

2

Придя в свою контору и разобрав корреспонденцию, Вентнор, как и ожидал, нашел письмо от "этого старого проходимца". Из содержания письма Вентнору было ясно, что надо твердо решать, чего же ему добиваться. К счастью, он не примешивал к этим расчетам заботу о собственном достоинстве - просто ему не хотелось оказаться в дураках. Вопрос был в том, что ему дороже - деньги или... справедливость? Если справедливость, то надо созвать экстренное собрание и сообщить ему, что м-р Пиллин, продавший свои суда за 60 тысяч фунтов, сделал дарственную запись на шесть тысяч фунтов на имя дамы, с которой даже незнаком, - а она приходится дочерью, опекаемой или еще бог знает кем председателю Компании, который, кстати, заявил на общем собрании, что от этой сделки зависит, останется ли он в правлении; надо лишь сделать это и потребовать, чтоб старик объяснил такое поразительное совпадение.

Убеденный, что объяснения его делу не помогут, Вентнор не сомневался в скорой гибели этого старого чучела, к тому же навеки погибнет репутация старого Пиллина и его многообещающего сына. Но, с другой стороны, триста фунтов - большие деньги, и если старый Хейторп скажет ему: "Зачем затевать весь этот шум? Вот примите мой должок!", - может ли человек дела, умудренный житейским опытом, позволить чувству справедливости (хоть у него и было сильное желание удовлетворить его) взять верх над тем, что, в конечном итоге, тоже было справедливо - ведь старик чертовски давно не платит ему своего долга. При этих обстоятельствах решающую роль сыграли слова: "Мои стряпчие получают указания", - потому что Вентнор недолюбливал других стряпчих и был хорошо знаком с законом о клевете; если же, паче чаяния, дело сорвется, он, Чарлз Вентнор, сядет в лужу, а этого он терпеть не мог как по роду занятий, так и по складу характера. Тем не менее после напряженных размышлений он наконец ответил Хейторпу следующее:

"15 февраля 1905 г.

Сэр,

Я получил ваше письмо. Полагаю, что до того, как предпринять дальнейшие шаги в этом направлении, будет правильно просить вас лично разъяснить мне обстоятельства, которые я имею в виду. Позвольте посетить вас завтра в пять часов в вашем доме.

Искренне ваш,

Чарлз Вентнор.

Сильванесу Хейторпу, эсквайру".

Отправив письмо и подытожив в уме изобличающие, хоть и косвенные улики, им собранные, он ждал назначенного часа без колебаний, ибо в натуре его не было недостатка в британской самоуверенности. Однако он особенно тщательно оделся в этот день, надел жилет в белую и голубую полоску и кремовый галстук, выгодно оттенявшие его рыжеватые бакенбарды и ярко-голубые глаза; и позавтракал он плотнее обычного, ел более острый сыр и выпил кружку особого, Клубного эля. Он намеренно опоздал, рассчитывая показать старику, что приход его уже сам по себе - акт милосердия. В холле сильно пахло гиацинтами, и м-р Вентнор, большой любитель цветов, наклонился над роскошным букетом, невольно вспомнив при этом о миссис Ларн. А ведь жаль, что приходится расставаться в этой жизни с изящными женщинами и со многим другим! Очень жаль! Эта мысль своевременно пробудила его гнев, и он последовал за слугой, не собираясь выслушивать никакой чепухи от "этого паралитика, старого мошенника".

Вентнор вошел в комнату, освещенную ярким пламенем камина и электрической лампой с оранжевым абажуром, стоявшей на черной атласной скатерти. Он увидел тускло мерцавшие на стенах картины, старинный медный канделябр без свечей, тяжелые темно-красные занавеси, почувствовал смешанный запах горелых желудей, кофе, сигар и старческого тела.

В глубине, у камина, он заметил светящееся пятно, - это пламя освещало пышные седины старого Хейторпа.

- Мистер Вентнор, сэра.

Светящееся пятно зашевелилось. Голос сказал: "Садитесь".

Мистер Вентнор сел в кресло по другую сторону камина и, ощущая какую-то сонливость, ущипнул себя. Надо быть начеку!

Старик заговорил обычным своим угасшим голосом, и Вентнор довольно раздраженно прервал его:

- Простите, ничего не разберу.

Голос старого Хейторпа прозвучал с неожиданной силой:

- Ваши письма для меня - китайская грамота.

- Вот как! Ну, ничего, скоро мы переведем их на английский.

- Чем скорее, тем лучше.

Вентнор испытал минутную нерешимость. Выкладывать карты на стол? Рисковать было не в его привычках. Но, зная, что можно в любой момент взять карты обратно, так как игра идет без свидетелей, он решился.

- Так вот, мистер Хейторп, коротко говоря, дело вот в чем: наш друг мистер Пиллин заплатил вам десять процентов комиссионных за покупку его судов. Да, да, я знаю! Он закрепил деньги не за вами, а за вашей родственницей миссис Ларн и ее детьми. Известно ли вам, что это - злоупотребление доверием Компании?

Слова старика: "Откуда вы выкопали эту бессмыслицу?" - заставили адвоката вскочить на ноги.

- Так дело не пойдет, мистер Хейторп. У меня есть свидетели: мистер Пиллин, миссис Ларн и мистер Скривен.

- Зачем же вы пришли ко мне - шантажировать?

Вентнор оправил жилет; лицо его покраснело от прилива оскорбленной гордости.

- Ах, вот вы как? - сказал он. - Рассчитываете, что можете заправлять

всем, как вам вздумается? Ну, так очень ошибаетесь. Будьте повежливей!
Советую вам учесть ваше положение, не то я пущу вас по миру. К тому же я не убежден, что ваш поступок - не уголовное преступление.

- Вздор!

Чарлз Вентнор от ярости замолчал, потом его прорвало:

- Никакой не вздор! Вы должны мне триста фунтов, должны уже много лет, и у вас еще хватает нахальства разговаривать со мной таким тоном! Я никогда не хвалюсь попусту. Скажу, что думаю. Слушайте. Или немедленно платите деньги, или я созову собрание, и оно все узнает. Тогда увидите, что будет. И поделом вам - такому беспринципному, бессовестному... - Он задохнулся.

В возбуждении он не заметил, как изменилось лицо старика. Борода встала дыбом, багровый румянец разлился со щек до самых корней его седых волос. Он вцепился в подлокотники, пытаясь встать; распухшие руки дрожали, в углу рта показалось немного слюны. И слова его прозвучали так, будто у него лязгали зубы:

- Значит... значит... вы... вы... грозите мне!

Увидев, что стадия переговоров нарушена, Вентнор сурово взглянул на противника. Он увидел дряхлого разгневанного, багроволицего старика, прижатого к стенке, обуреваемого всеми страстями человека, которому всегда везло. Жалкий старый индюк, апоплексическое чучело!

- Вам же будет хуже, не горячитесь так. В ваши годы, при вашем-то здоровье надо вести себя сдержаннее. А теперь либо соглашайтесь на мои условия, либо сами знаете, что будет. Меня ничем не запугать. - И, видя, что гнев лишил старика речи, он продолжал: - Мне наплевать, как вы решите, - я хочу показать вам, кто из нас хозяин положения. Если вы в вашем старческом

слабоумии думаете, что еще можете командовать, ладно, поглядим, чья возьмет.

Так что же вы намерены делать?

Старик весь обмяк в своем кресле, и живыми казались только его темно-голубые глаза. Потом он поднял руку, и Вентнор увидел, что он пытается нащарить кнопку электрического звонка, висевшего на шнуре. "Я ему покажу!" - подумал он и, подойдя, отвел звонок так, чтобы тот не мог дотянуться.

Уничтоженный этим, старик сидел неподвижно, уставясь в пространство. Слово "шантаж" снова зажужжало в ушах Вентнора. Нет, какова наглость, какова чудовищная наглость у этого мошенника, старого негодяя, который одной ногой на краю банкротства, а другой в могиле, если не на скамье подсудимых!

- Да, - сказал он, - учиться никогда не поздно; на этот раз вам попался орешек не по зубам. Верно? Лучше бы вы кричали "Pessavi" {"Согрешил" (лат.)}.

Потом сознание морального превосходства своей позиции и полного поражения противника пробудило в нем легкие угрызения совести, и в мертвой тишине комнаты он раз-другой прошелся по турецкому ковру, приводя в порядок свои мысли.

- Вы старик, и я не хочу быть жестоким с вами. Просто я намерен показать вам, что вы больше не способны на двойную игру, словно вы еще всемогущи. Слишком много лет вы добивались своего. А теперь с этим кончено, ясно? - И когда старик в кресле наклонился вперед, Вентнор добавил: - Ну, ну, не беснуйтесь опять, успокойтесь. Предупреждаю: это ваш последний шанс. Мое слово твердо. Что сказал, то и сделаю.

Неожиданно старик, сделав огромное усилие, дотянулся до кнопки. Вентнор услышал звонок и резко сказал:

- Запомните, мне все равно, что вы решите. Я пришел сюда для вашего же блага. Делайте, как хотите. Ну?

Щелкнула дверь, и хриплый голос Хейторпа приказал:

- Вышвырните вон эту собаку и вернитесь сюда!

У Вентнора хватило самообладания не погрозить ему кулаком. Бормоча: "Прекрасно, мистер Хейторп! Очень хорошо!" - он с достоинством двинулся к двери. Лакей, заботливо сопровождавший его, снова разжег его гнев. Собака! Это его назвали собакой!

3

Выпроводив мистера Вентнора, слуга Меллер вернулся к хозяину. Лицо у того было странное, "все в пятнах", как объяснял он потом слугам. Казалось, кровь, прилившая к голове, навсегда запятнала мраморную белизну его лба.

Неожиданно слуга услышал:

- Приготовьте горячую ванну с хвоей.

Когда старик погрузился в воду, камердинер спросил:

- Когда прийти за вами, сэр?

- Через двадцать минут.

- Слушаю, сэр.

Лежа в коричневой, дымящейся, благоухающей жидкости, старый Хейторп хрипло вздохнул. Дав волю гневу в стычке с этим злобным щенком, он себя доконал. Да, теперь песенка его спета. Если бы... о, если бы только он мог

схватить за шиворот этого молодца и выбросить его из комнаты! Дожить до того, что с тобой так разговаривают, а ты не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не можешь слова сказать - нет, уж лучше умереть! Да, лучше умереть! Немое, безграничное волнение все еще кипело в пухлом старческом теле - в темной воде это тело казалось серебристо-коричневым, и он глубоко втягивал воздух хрипящими легкими, словно ища духовного утешения. Быть побежденным такой скотиной! Позволить этому хаму, этому крючкотвору сбить его наземь и пинать ногами! Затоптать в грязь имя, стоявшее так высоко! Во власти этого типа сделать его притчей во языцех, превратить в нищего! Трудно поверить! Однако это так. И завтра он начнет свое грязное дело - а может, и сегодня. Дерево его рухнуло с треском! Восемьдесят лет - восемьдесят славных лет! Он не жалел ни об одном из них, он вообще ни о чем не жалел; и меньше всего о злоупотреблении доверием Компании для обеспечения своих внуков - лучшее из всего, что он сделал за всю свою жизнь. А этот тип - трусливая шавка! Подумать, что он вырвал у него звонок - презренный пес! И такому типу суждено поставить штамп "уплачено" на счете Сильванеса Хейторпа, "вычеркнуть" его из жизни, когда и без того всего лишь шаг до могилы! Рука его, поднявшаяся над темной водой, снова опустилась на живот, а два-три пузырька выскочили на поверхность. Но напрасно он так торопится, напрасно! Стоит только поскользнуться, дать воде сомкнуться над головой и - прощай победа мистера Вентнора! Мертвецов не выгоняют из правления Компании. Мертвецы не могут стать нищими, они не могут потерять независимость.

Старый Хейторп ухмыльнулся и плескался в ванне, пока не подмокла его седая бородка. Как чудесно пахнет хвоя! Он вдохнул в себя ее запах. Хорошая жизнь прожита, отличная! И при мысли, что он в любой момент может натянуть

нос мистеру Вентнору, победить наглеца, на него нахлынуло чувство покоя и благополучия. Даже кровь словно равномернее потекла по жилам. Глаза закрылись. Загробная жизнь... да, о ней толкуют люди вроде той святоши. Вздор! Вы засыпаете - и это долгий сон без сновидений. Как дремота после обеда... Обед! Он провел языком по небу. Да, он с удовольствием пообедает! Этому псу не вышибить его из колеи! А все-таки лучшим обедом в его жизни был тот, что он устроил Джеку Херрину, Чайчестеру, Торнуорфи, Нику Треффри и Джолиону Форсайту у Поля. Бог ты мой! В 60-м это было или в 65-м? Как раз перед тем как он влюбился в Элис Ларн, за десять лет до переезда в Ливерпуль. Вот это был обед! Обошелся в 24 фунта на шестерых, и при этом Форсайт почти ничего не пил. Только Ник Треффри и он могли каждый перепить троих! И все они умерли! Все, как один. Неожиданно он подумал: "У меня хорошая репутация - никогда до сих пор меня не могли сбить с ног!"

Голос за стеной пара сказал:

- Двадцать минут прошли, сэр.

- Хорошо, выхожу. Вечерний костюм!

Вынимая костюм и рубашку, Меллер размышлял: "И для чего старику наряжаться? Лег бы в постель да и обедал там. Если человек впал в детство, ему место в люльке..."

Через час старый Хейторп опять стоял в комнате, где произошла его битва с Вентнором; стол уже накрыли к обеду, и он внимательно оглядывал все. Занавеси были подняты, в комнату лился свежий воздух, за окном виднелись темные очертания деревьев и лиловатое небо. Тихий, сырой вечер благоухал. Старик был разгорячен после ванны, с ног до головы в свежей одежде, и в нем заговорила чувственность. Чертовски давно не обедал он во всем блеске!

Хорошо, если бы за столом напротив сидела женщина - но только не эта святоша, боже упаси! - хотелось бы ему еще раз увидеть, как падает свет на женские плечи, увидеть сверкающие глаза! Черепашьей походкой он подошел к камину. Здесь только что спиной к огню с видом хозяина стоял тот хвастун - будь проклято его нахальство! И внезапно перед ним возникли лица трех секретарей, особенно молодого Фарни, - что бы они сказали, если б видели, как этот бандит схватил его за горло и бросил наземь! А директора? Старый Хейторп! Как легко повалить могущественных! И этот торжествующий пес!

Камердинер перешел комнату, закрыл окно и спустил занавеси. И этот тоже! А ведь придет день, когда он больше не сможет платить ему жалованье и не найдет в себе сил сказать: "Ваши услуги больше не нужны". День, когда он больше не сможет платить своему доктору за то, что тот изо всех сил старается отправить его на тот свет! Все ушло: власть, деньги, независимость! Его одевают и раздевают, кормят кашкой, как ребенка, прислуживают, как им вздумается, и хотят только одного: чтобы он поскорей убрался с дороги - разбитый, обещенный! Старики имеют право на жизнь, только если у них есть деньги! Имеют право есть, пить, двигаться, дышать! Когда денег не будет, святоша немедля доложит ему об этом. Все ему доложат, а если нет - это будет только из жалости. Раньше его никогда не жалели, слава богу! И он сказал:

- Принесите бутылку Перье Жуэ. Что на обед?

- Суп жермен, сэр, рыбное филе, сладкое мясо, котлеты субиз, ромовое суфле.

- Пусть несут hors-d'oeuvre {Добавочное блюдо (франц.)}, и приготовьте что-нибудь острое на закуску.

- Слушаю, сэр.

Когда слуга вышел, он подумал: "Поел бы я устриц - жаль, поздно вспомнил!" - и, подойдя к секретеру, на ощупь выдвинул верхний ящик. Там было немного: всего несколько бумаг, деловых бумаг его Компаний, и список его долгов; не было даже завещания, он не делал его - нечего завещать! Писем он не хранил. Полдюжины счетов, несколько рецептов и розовенькая записка с незабудкой. Вот и все. Старое дерево перестает зеленеть весной, и корни его иссыхают, а потом оно рушится под порывами ветра. Мир медленно уходит от стариков, и они остаются одни во мраке. Глядя на розовую записочку, он подумал: "А напрасно я не женился на Элис - лучшей возлюбленной было не найти!" Он задвинул ящик, но все еще усталое слонялся по комнате; против обыкновения, ему не хотелось садиться: мешали воспоминания о той четверти часа, которую пришлось ему высидеть, пока эта собака грызла ему горло. Он остановился против одной из картин. Она поблескивала своей темной живописью, изображавшей кавалериста из полка Грея Скотта, взвалившего на своего коня раненого русского, взятого в плен в сражении при Балаклаве. Он купил ее в 59-м. Очень старинный друг эта картина! Висела у него еще в холостой квартире, в Олбени, - и с тех пор он с ней не расставался. К кому она попадет, когда его не станет? Ведь святоша наверняка выкинет ее, а взамен повесит "Распятие на кресте" или какое-нибудь модное, высокохудожественное произведение. А если ей вздумается, она может сделать это хоть сейчас. Картина-то принадлежит ей, как, впрочем, все в этой комнате - вплоть до бокала, из которого он пьет шампанское; все это передано ей пятнадцать лет назад - перед тем, как он проиграл последнюю свою крупную игру. "De l'audace toujours de l'audace". Игра, которая выбила его из седла и довела до того,

что он теперь попал в руки этого хвастливого пса! "Повадился кувшин по воду ходить..." Попал в руки!.. Звук выстрелившей пробки вывел его из задумчивости. Он вернулся к столу, занял свое место у окна и сел обедать.

Вот удача! Все-таки принесли устрицы! И он сказал:

- Я забыл челюсть.

Пока слуга ходил за ней, он глотал устриц одну за другой, педантично посыпая их кайенским перцем, поливая лимоном и чилийским уксусом. Вкусно! Правда, не сравнить с устрицами, которые он едал у Пикша в лучшие дни, но тоже недурно, и весьма! Заметив перед собой синюю мисочку, он сказал:

- Передайте поварихе благодарность за устрицы. Налейте мне шампанского.

- И взял свою расшатанную челюсть. Слава богу, хоть ее-то он может вставить без посторонней помощи! Пенистая золотистая струя медленно наполнила доверху его бокал с полой ножкой; он поднес его к губам, казавшимся особенно красными из-за белоснежных седин, выпил и поставил на стол. Бокал был пуст.

Нектар! И заморожено в меру!

- Я держал его на льду до последней минуты, сэр.

- Прекрасно. Что это за цветы так пахнут?

- Это гиацинты, сэр, на буфете. От миссис Ларн, днем принесли.

- Поставьте на стол. Где моя дочь?

- Она уже отобедала, сэр. Собирается на бал, кажется.

- На бал!

- Благотворительный бал, сэр.

- Хм! Налейте-ка мне к супу чуточку старого хереса.

- Слушаю, сэр. Надо откупорить бутылку.

- Хорошо, идите.

На пути в погреб слуга сказал Молли, которая несла в столовую суп:

- Хозяин-то раскутился сегодня вовсю. Не знаю, что с ним после этого будет завтра.

Горничная тихо ответила:

- Пусть потешится бедный старик. - Идя через холл, она замурлыкала песенку над дымящимся супником, прижатым к ее груди, и подумала о новых кружевных сорочках, купленных на тот соверен, что хозяин дал ей.

А старый Хейторп, переваривая устрицы, вдыхал запах гиацинтов в предвкушении своего любимого супа сен-жермен. В это время года он, конечно, будет не совсем то - ведь в него надо класть зеленый горошек. В Париже - вот где его умеют готовить. Да! Французы не дураки поесть и смело смотрят в глаза опасности! И не лицемерят - не стыдятся ни своего гурманства, ни своего легкомыслия!

Принесли суп. Он глотал его, пригнувшись к самой тарелке, салфетка, как детский нагрудник, закрывала его манишку. Он полностью наслаждался букетом этого хереса - обоняние его в этот вечер было необычайно тонким; да, это редкий, выдержанный напиток - прошло уж больше года, как он пил его в последний раз. Но кто пьет херес в наши дни? Измельчали люди!

Прибыла рыба и исчезла в его желудке, а за сладким мясом он выпил еще шампанского. Второй бокал лучше всего - желудок согреет, а чувствительность неба еще не притупилась. Прелесть! Так, значит, этот тип воображает, что свалил его, - каков, а? И он сказал:

- Там у меня в шкафу есть меховое пальто, я его не ношу. Можете взять себе.

Камердинер ответил довольно сдержанно:

- Благодарю вас, сэр, очень вам признателен. ("Значит, старый хрыч все-таки пронюхал, что в пальто завелась моль!")

- Не очень ли я утруждаю вас?

- Что вы, сэр, вовсе нет! Не больше, чем необходимо.

- Боюсь, что это не так. Очень жаль, но что поделаешь? Вы поймете, когда станете таким же, как я.

- Да, сэр. Я всегда восхищался вашим мужеством, сэр.

- Гм! Очень мило с вашей стороны.

- Вы всегда на высоте, сэр.

Старый Хейторп поклонился.

- Вы очень любезны.

- Что вы, сэр! Повариха положила немного шпината в соус к котлетам.

- А! Передайте ей, что обед пока что великолепен.

- Благодарю, сэр.

Оставшись один, старый Хейторп сидел не двигаясь, мозг его слегка затуманился. "На высоте, на высоте!" Он поднял бокал и отхлебнул глоток. Только сейчас у него разыгрался аппетит, и он прикончил три котлеты. весь соус и шпинат. Жаль, что не удалось отведать бекаса - свеженького! Ему очень хотелось продлить обед, но оставались только суфле и острое блюдо. И еще ему хотелось поговорить. Он всегда любил хорошую компанию, и сам, как говорили, был душой общества, а в последнее время он почти никого не видел. Он давно заметил, что даже в правлении избегают разговаривать с ним. Ну и пусть! Теперь ему все равно: он заседает в последнем своем правлении. Но они не вышвырнут его, не доставит он им этого удовольствия, - слишком долго он видел, как они ждут не дождутся его ухода. Перед ним уже стояло суфле, и,

подняв бокал, он распорядился:

- Налейте.

- Это особые бокалы, сэр. В бутылку входит только четыре.

- Наливайте.

Поджав губы, слуга налил.

Старый Хейторп выпил и со вздохом отставил пустой бокал. Он был верен своим принципам кончать бутылку до десерта. Отличное вино - высшей марки! А теперь за суфле. Оно было восхитительно, и он мгновенно проглотил его, запивая старым хересом. Значит, эта святоша отправляется на бал, а? Чертовски забавно! Интересно, кто будет танцевать с такой сухой жердью, изъеденной благочестием, которое есть не что иное, как сексуальная неудовлетворенность? Да, таких женщин много, часто встречаешь их и даже жалеешь, пока не приходится иметь с ними дело, а тогда они делают вас такими же несчастными, как они сами, и вдобавок еще садятся вам на шею. И он спросил:

- А что есть еще?

- Сырный рамекин {Род сдобной ватрушки из хлеба, сыра и яиц.}, сэр.

Как раз его любимый!

- Дайте к нему мой портвейн 65-го года.

Слуга вытаращил глаза. Этого он не ожидал. Конечно, лицо старика горело, но это могло быть и после ванны. Он промямлил:

- Вы уверены, что это вам можно, сэр?

- Нет, но я выпью.

- Не возражаете, если я спрошу у мисс Хейторп, сэр?

- Тогда вы будете уволены.

- Как угодно, сэ, но я не могу взять на себя такую ответственность.

- А вас об этом просят?

- Нет, сэ.

- Ну, значит, несите. И не будьте ослом.

- Слушаю, сэ! ("Если не потакать старику, его наверняка хватит удар!")

И старик спокойно сидел, глядя на гиацинты. Он был счастлив, все в нем согрелось, размягчилось и разнежилось, - а обед еще не кончен! Что могут предложить вам святоши взамен хорошего обеда? Могут ли они заставить вас мечтать и хоть на минутку увидеть жизнь в розовом свете? Нет, они могут только выдавать вам векселя, по которым никогда не получишь денег. У человека только и есть что его отвага, а они хотят уничтожить ее и заставить вас вопить о помощи. Он видел, как всплескивает руками его драгоценный доктор: "Портвейн после бутылки шампанского - да это верная смерть!" Ну и что ж, прекрасная смерть - лучше не придумаешь. Что-то вторглось в тишину закрытой комнаты. Музыка? Это дочь наверху играет на рояле. И поет! Что за писк!.. Он вспомнил Дженни Линд, "Шведского соловья", - ни разу он не пропустил ни одного ее концерта. Дженни Линд!

- Он очень горячий, сэ. Вынуть его из формы? А! Рамекин!

- Немного масла и перцу!

- Слушаю, сэ.

Он ел медленно, смакуя каждый кусок, - вкусно, как никогда! А к сыру - портвейн! Он выпил рюмку и сказал:

- Помогите перейти в кресло.

Он уселся перед огнем; графин, рюмка и колокольчик стояли на низеньком столике сбоку. Он пробормотал:

- Через двадцать минут - кофе и сигару.

Этим вечером он воздаст должное своему вину - не станет курить, пока не допьет его. Верно сказал старик Гораций: "Aequam mentem rebus in arduis Sefvare mentem" {"Даже в тяжелых обстоятельствах сохраняй здравый рассудок" (лат.)}. И, подняв рюмку, он медленно отхлебывал, цедя по капле, зажмурив глаза.

Слабый, тонкий голос святоши в комнате наверху, запах гиацинтов, усыпляющий жар камина, где тлело кедровое полено, портвейн, струящийся в теле с ног до головы, - все это на минуту увело его в рай. Потом музыка прекратилась; настала тишина, только слегка потрескивало полено, пытаясь сопротивляться огню. Он сонно подумал: "Жизнь сжигает нас - сжигает нас. Как поленья в камине!" И он снова наполнил рюмку. До чего небрежен этот слуга - на дне графина осадок, а он уж добрался до самого дна! И когда последняя капля увлажнила его седую бородку, рядом поставили поднос с кофе. Взяв сигару, он поднес ее к уху, помяв толстыми пальцами. Отличная сигара! И, затаившись, сказал:

- Откройте бутылку старого коньяку, что стоит в буфете.

- Коньяку, сэр? Ей-богу, не смею, сэр.

- Слуга вы мне или нет?

- Да, сэр, но...

Минута молчания. Слуга торопливо подошел к буфету и, достав бутылку, вытащил пробку. Лицо старика так побагровело, что он испугался.

- Не наливайте, поставьте здесь.

Несчастный слуга поставил бутылку на столик. "Я обязан сказать ей, - думал он, - но раньше уберу графин и рюмку, все-таки будет лучше". И, унося

их, он вышел.

Старик медленно попивал кофе с коньячным ликером. Какая гамма! И, созерцая голубой сигарный дымок, клубящийся в оранжевом полумраке, он улыбался. Это был последний вечер, когда его душа принадлежала ему одному, последний вечер его независимости. Завтра он подаст в отставку, не ждатель ведь, когда его выкинут! И не поддастся он этому субъекту!

Как будто издалека послышался голос:

- Отец! Ты пьешь коньяк! Ну, как ты можешь, это же просто яд для тебя!

- Фигура в белом, неясная, почти бесплотная, подошла ближе. Он взял бутылку, чтоб наполнить ликерную рюмку - назло ей! Но рука в длинной белой перчатке вырвала бутылку, встряхнула и поставила в буфет. И, как в тот раз, когда там стоял Вентнор, бросая ему в лицо обвинения, что-то подкатило у него к горлу, забурлило и не дало говорить; губы его шевелились, ко на них лишь пенилась слюна.

Его дочь снова подошла. Она стояла совсем близко, в белом атласном туалете. Узкое желтоватое лицо, поднятые брови. Ее темные волосы были завиты - да, завиты! Вот тебе и святоша! Собрав силы, старик пытался сказать: "Так ты грозишь мне - грозишь - в этот вечер!" - но вырвалось только "так" и неясный шепот. Он слышал, как она говорила: "Не раздражайтесь, отец, ни к чему это - только себе вредите. После шампанского это опасно!" Потом она растворилась в какой-то белой шелестящей дымке. Ушла. Зашуршало и взревело такси, увозя ее на бал. Так! Он еще не сдался на ее милость, а она уже тиранит его, грозит ему? Ну, мы еще посмотрим! Глаза его засверкали от гнева; он опять видел отчетливо. И, слегка приподнявшись, позвонил дважды - горничной, а не этому Меллеру, который с его дочерью в заговоре. Как только

появилась хорошенькая горничная в черном платье и белом передничке, он сказал:

- Помоги мне встать!

Два раза ее слабые руки не могли поднять его, и он валился обратно. На третий он с трудом встал.

- Спасибо. Иди. - И, подождав, пока она уйдет, подошел к дубовому буфету, нащупал дверцу и вынул бутылку. Дотянувшись, схватил рюмку для хереса; держа бутылку обеими руками, налил жидкость, поднес к губам и отпил. Глоток за глотком коньяк увлажнял его небо - мягкий, очень старый, старый, как он сам, солнечного цвета, благоухающий. Он допил рюмку до дна и, крепко обняв бутылку, черепашьей походочкой двинулся к своему креслу и весь ушел в него.

Несколько минут он просидел неподвижно, прижимая бутылку к груди, думая: "Так джентльмены не поступают. Надо поставить бутылку на стол, на стол", - но тяжелая завеса встала между ним и всем окружающим. Он хотел поставить бутылку на стол сам, своими руками! Но он не мог найти рук, он их не чувствовал. В его мозгу будто раскачивались качели - вверх-вниз: "Ты не можешь двигаться". "Нет, буду!" "Ты разбит". "Нет, не разбит". "Сдайся". "Нет, не сдамся!" Казалось, не будет конца напряженным поискам рук, - он должен найти их! После этого - хоть на тот свет, но уйти в полном порядке! Все было красно вокруг него. Потом красное облако слегка рассеялось, и он услышал тиканье часов: тик-так. Он ощутил, как оживают его плечи и руки до самых ладоней; да, теперь он ощущал в них бутылку! Он удвоил усилия, чтобы податься вперед в кресле, - надо же поставить бутылку! Джентльмены так себя не ведут! Он мог уже двигать одной рукой; но еще не мог ухватить бутылку

достаточно крепко, чтобы поставить. Из последних сил, толчками подвигаясь вперед, он шевелился в кресле, пока не смог наклониться, - и бутылка, скользнув по его груди, косо стала на край низенького столика. Тогда он отчаянно рванулся вперед всем телом и руками - и бутылка выпрямилась. Он это совершил, совершил! Губы его искривились в улыбке, тело в кресле медленно оседало. Он это совершил! И он закрыл глаза...

В половине двенадцатого горничная Молли, отворив дверь, взглянула на него и тихо сказала: "Сэр, там пришли дамы и господин!" Он не ответил.

Держась за дверь, она зашептала в холл:

- Он спит, мисс.

Ей зашептали в ответ:

- О! Только впустите меня, я не разбужу его, разве что он сам проснется. Мне так хочется показаться ему в новом платье!

Горничная отодвинулась, и на цыпочках вошла Филлис. Она направилась туда, где свет лампы и огонь камина могли осветить ее с ног до головы. Белый атлас - ее первое взрослое платье, упоение первым выездом в свет, гардения на груди, другая - в руке! Ох, какая жалость, что он спит! И какой же он румяный! До чего забавно старики дышат! И таинственно, как ребенок, она прошептала:

- Опекун!

Молчание. Надув губки, она вертела гардению. Вдруг ее осенило: "Вставлю-ка я цветок ему в петлицу! Когда он проснется и увидит ее, то-то обрадуется!"

И, подкравшись ближе, она наклонилась и вложила цветок в петлицу. Из-за двери выглядывали два лица; она слышала подавленный смешок Боба Пиллина и

мягкий, легкий смех ее матери. Ой, какой у него багровый лоб! Она дотронулась до него губами, отпрянула назад, молча покружилась, послала воздушный поцелуй и ускользнула, как ртуть.

В холле раздались шепот, хихиканье и короткий переливчатый смех.

Но старик не проснулся. И пока в половине первого не пришел, как обычно, Меллер, никто не знал, что он больше никогда не проснется.